

СБОРНИКЪ
МУЗЕЯ ПО АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

216

PUBLICATIONS
DU MUSÉE D'ANTHROPOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES
DE
ST.-PÉTERSBOURG.



IX.

Ис. - 373.

1911.

Пров-ка
1966-67

ЖС-373

СБОРНИКЪ
МУЗЕЯ ПО АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

PUBLICATIONS
DU MUSÉE D'ANTHROPOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES
DE
ST.-PÉTERSBOURG.



IX.

1911.

MATÉRIAUX
POUR SERVIR À L'ETHNOGRAPHIE
DES PEUPLES IRANIENS DE L'ASIE CENTRALE.

Par
M. S. Andreïev et A. A. Poloveov.

IŠKAŠIM et VAKHAN.

(Présenté à l'Académie le 27 février 1908).

ST.-PÉTERSBOURG. 1911.

МАТЕРІАЛЫ
ПО ЭТНОГРАФІИ
ИРАНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Собрали
М. С. Андреевъ и А. А. Половцовъ.

ИШКАШИМЪ и ВАХАНЪ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 27 февраля 1908 г.).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1911 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).



ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Историческія преданія.....	1—7
Шугнань, Ишкашимъ, Ваханъ, Зебакъ. Набѣги сосѣдей. Сторожевыя башни—1. Миры Ишкашима. Населенность этой области. Развалины мечети въ Бѣзбръѣ—2. Десяносто девять правителей. Остатки крѣпостей. Кафиры. Легенда о царѣ Кахка'а—3. Легенда объ Али и драконѣ. Али уничтожилъ растительность—4. Надписи на скалахъ. Таджикі. Тюркскіе роды въ Бадахшанѣ—5. Генеалогическая таблица Бадахшанскихъ мировъ. Таблица царствовавшихъ въ Бадахшанѣ мировъ—6. Миры Вахана—7.	
Остатки прежняго общественнаго строя.....	8—10
Касты: сейиды, акбѣрѣ—8. Слуги (чѣкар). Подати—9. Тарѣоны. Рабы. Честь и безчестіе—10.	
Обычаи, обряды и повѣрія.....	11—38
1. По случаю рожденія.....	11
Вѣстникъ радости. Лукъ. Стрѣльба изъ ружей—11.	
2. По случаю свадьбы.....	12—16
Сватовство. Вѣно. Нѣшѣнѣ—13. Кынѣра. Сараспа. Свадебный поѣздъ, передача вѣна, встрѣча жениха—13. Гаки шѣр. Заключение брака. Падар-хѣн. Состязаніе новобрачныхъ о первенствѣ. Выходъ въ домъ новобрачнаго—14. Пѣсни. Пріемъ молодыхъ—15. Первые семь дней послѣ брака. Женщина-мужейдица—16.	
3. По случаю смерти.....	17—19
Приношенія по случаю смерти. Могила. Укладываніе тѣла—19. Костеръ при могилѣ. Угощеніе послѣ похоронъ. Окончательная обдѣлка могилы. Куреніе. Трауръ—18. Чужое празднество во время траура. Самоубійство—19.	
4. Семья, родственныя чувства, раздѣлы, порядокъ наслѣдованія, хозяйство, посѣвы, уборка.....	19—27
Родственныя чувства—19. Общежитіе. Раздѣлъ и наслѣдство «Старшій» и «сѣдовласый»—20. Печеніе хлѣба. Посѣвъ ячменя. Помочи—21. Отсутствіе фруктовыхъ деревьевъ. Ссоры изъ-за межи. Начало пахоты—22. Повѣрья. Уборка хлѣба—23. Кукла—24. Помоль хлѣба. Угощеніе—25. Окончаніе жатвы. Повѣріе бѣрѣвцевъ относительно желѣза—26. Признаніе Афганцами этого повѣрья—27.	

5. Счетъ времени, новый годъ, праздники, охота, игры, рассказы, болѣзни и ихъ леченіе 27—34

Счетъ времени по солнцу и по частямъ тѣла. Новый годъ въ Бухарскомъ Ишкашимѣ—27, и въ Ваханѣ. Привѣтствованіе новаго года—28. Очистка жилища. Праздничный хлѣбъ. Первый день мѣсяца Амсѣѣ — 29. Развлеченія въ новый годъ. Праздничная охота прежнихъ мировъ. Охота на соколовъ у жителей селенія Сажѣд — 30. Курбанъ и Рамазанъ. Крашенныя яйца; блины — 31.

Дѣтскія игры: а) Волкъ и овцы — 31. б) Чижъ — 32. в) Игра въ камни — 33. г) Игра въ козонки отъ бараньихъ ногъ — 33. Мятъ — 34.

Сказочники. Болѣзни и ихъ леченіе — 34.

6. Небесныя свѣтила, клятвы, сны остатки прежнихъ религіозныхъ обрядовъ..... 34—36

Затменія — 34. Солнце. Клятва. Названія звѣздъ и созвѣдій. Громъ — 35. Сны. Куреніе — 36.

7. Произведенія страны, промыслы, торговля и т. д. 36—38

Дикій медъ — 36. Пчеловодство Кафировъ и Читральцевъ. Гончары въ селеніи Сытѣчѣ. Рубины — 37.

Приложеніе I. 38—40

Названія селеній въ Ваханѣ и Ишкашимѣ.

Приложеніе II. 41—43

Объясненіе таблицъ.

Таблицы I—VI.





I.

Историческія преданія.

Въ старое время, еще до того, когда землями по верхнему теченію Пянджа овладѣли Бадахшанцы, Шугнаномъ, Ишкашимомъ, Ваханомъ и Зебакомъ управляли отдѣльные, самостоятельные правители. Въ этотъ періодъ ихъ исторіи Ишкашимцамъ приходилось страдать отъ набѣговъ Бадахшанцевъ и Шугнанцевъ. Набѣгъ обыкновенно производили въ теченіе одной ночи; старались вернуться во свояси къ утру, чтобы сосѣднія страны, Ваханъ и Зебакъ, не успѣли подать помощи Ишкашимцамъ. Послѣдніе еще помнятъ три большихъ набѣга Шугнанцевъ, когда страна была совершенно раззорена, дома разрушены, женщины уведены въ плѣнъ и проданы въ неволю, скотъ угнанъ. Дня за 2—3 до набѣга Шугнанцы задерживали какъ всѣ караваны, такъ и отдѣльныхъ путниковъ, шедшихъ черезъ ихъ страну въ Ишкашимъ, чтобы не дать распространиться слухамъ о военныхъ приготовленияхъ.

У Ишкашимцевъ же были выстроены въ разныхъ мѣстахъ, въ видѣ оборонительной мѣры, сторожевыя башни, тѣб-хѣна, нѣкоторыя изъ которыхъ сохранились и понынѣ: напр. въ Сафід-Обріңг и въ Бѣд-Хѣна (на афганской территоріи) и въ Сăрі-Шахъ передъ Јах-дурѹ (на бухарской территоріи). На верху каждой башенки былъ караулъ, и тутъ же держался на готовѣ горючій матеріалъ. Когда непріятель приближался, караулъ зажигалъ костеръ и убѣгалъ прятаться въ горы; слѣдующая тѣб-хѣна передавала сигналъ дальше, и если только караульные крайней тѣб-хѣна успѣвали зажечь свой костеръ, то вся страна во время узнавала о надвигавшейся опасности и бралась за оружіе.

Повидимому, Ишкашимъ подчинился Бадахшану очень давно, но на первыхъ порахъ правители его только платили дань мирамъ Бадахшана,

власть же переходила отъ одного изъ нихъ къ другому по наслѣдству (хотя, конечно, каждый разъ съ согласія и утвержденія Бадахшанскаго мира); временами зависимость отъ сосѣдней страны бывала слабѣе, временами, наоборотъ, тѣснѣе. Изъ именъ наиболѣе древнихъ мировъ Ишкашима въ народѣ сохранилось имя شاه ابراهيم بيك; послѣ него, повидимому, правилъ сынъ его, شاه سعدى, а за нимъ, по назначенію Бадахшанскаго мира, ميرزا پادشاه, потомъ правилъ братъ Шб-Заман-еддина, мира Бадахшана, затѣмъ сынъ Курбон-хон'а, سمر علی خان, послѣ него سيد علی خان (сынъ عبدالغازی خان), назначенный также изъ Бадахшана, потомъ احمد خان (сынъ Абдус-Самат-хон'а), затѣмъ братъ Худбѣр-хон'а, потомъ снова по назначенію Бадахшанскаго мира محمد رحيم خان, за нимъ سيد صادق بيك, сынъ Зебакскаго мира Хакк-Назар-бѣк'а, а потомъ مير حق نظر شاه (бывшій раньше миромъ Зебака, отецъ مير حق نظر بيك). Во время правленія مير صادق شاه Абдуррахманъ-ханъ сломилъ самостоятельность Бадахшана, оказавшаго Исхак-хану поддержку во время его возстанія противъ двоюроднаго брата, и тогда же афганскому владычеству подпали Зебакъ, Ваханъ и Ишкашимъ (между 1889 и 1891 гг.). Афганцы оставили въ нихъ на первые годы прежнихъ туземныхъ правителей, перемѣстивъ ихъ только одного на мѣсто другого, но позднѣе арестовали обоихъ и отправили съ семьями въ Афганистанъ. مير حق نظر بيك умеръ въ неволѣ въ Ханабадѣ; Сайидъ-Садыкъ-ханъ былъ казненъ въ Кабулѣ, а Зебакъ, Ишкашимъ и Ваханъ уравнены въ административномъ отношеніи съ другими областями Афганистана.

Ваханъ и Ишкашимъ раздѣляются Пянджемъ, каждый на двѣ части; по разграниченію 1894 года, земли на правомъ берегу рѣки были переданы Бухарѣ, причемъ Афганскіе Ваханъ и Ишкашимъ остались значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ Бухарскіе. По отзывамъ горцевъ, въ Афганскомъ Ишкашимѣ 120 домовъ (по другому счету 151), въ Бухарскомъ — 30 (или 38); во время владычества Афганистана во всемъ Ишкашимѣ насчитывалось 130 домовъ (съ которыхъ собирались подати).

Существуетъ преданіе, что въ старое время Ишкашимъ былъ гораздо болѣе цвѣтущъ и населенъ, чѣмъ теперь, и что въ немъ было 1500 домовъ. Объ этомъ періодѣ былого расцвѣта свидѣлствуютъ и понынѣ названія нѣкоторыхъ селеній, напр. Бѣзѣр, бывшій торговымъ центромъ (какового теперь уже нѣтъ), или Оингар-дѣ, «селеніе кузнецовъ» и др. Въ упомянутомъ селеніи Бѣзѣр сохранились остатки большой мечети, имѣвшей 99 столбовъ (деревянныхъ); теперь существуютъ лишь ея разваливающіяся стѣны, но нѣкоторые старики, живущіе въ этой мѣстности и понынѣ, въ молодости

своей видѣли ее съ необрушившимся потолкомъ. Согласно преданію, въ то старое время, когда была построена эта мечеть, жившій въ Балхѣ царь держалъ въ подчиненіи всѣхъ правителей отъ своей столицы вплоть до Ишкашима; ихъ всѣхъ было 99, Ишкашимскій, какъ пограничный, былъ 99-мъ и, прозывался *يك كم صد پادشاه*.

Эта легенда относится ко времени, предшествовавшему покоренію страны Бадахшаномъ, но существуютъ признаки культуры, оставшіеся отъ еще болѣе отдаленной эпохи. Во многихъ мѣстахъ долины верхняго Пянджа виднѣются, обыкновенно на неприступныхъ скалахъ, остатки крѣпостей, называемыхъ кафир-кала, постройка коихъ приписывается Таджиками чужому, не родственному имъ племени. По общераспространенному среди нихъ повѣрію, Таджики вытѣснили изъ долины верхняго Пянджа Кафировъ (Сіоцшей), и послѣдніе бѣжали черезъ перевалы Гиндукуша въ теперешній Кафиристанъ. Въ воображеніи горцевъ война съ Кафирами переплелась съ апокрифическими религіозными сказаніями о завоеваніяхъ Магомета и главнымъ образомъ Али, совершившаго, по убѣжденію Таджиковъ, цѣлый рядъ подвиговъ въ долинѣ верхняго Пянджа; такимъ образомъ, подъ вліяніемъ ислама, завоеваніе припамирскихъ странъ представляется имъ, какъ послѣдствіе религіозной войны.

Въ одной изъ легендъ ¹⁾, связанныхъ съ развалинами крѣпости около селенія Наматгут, фигурируютъ чисто персидскія имена и намеки на персидскіе обычаи (напр. браки между братьями и сестрами въ царскомъ роду); такъ у царя по имени Кахкаа, жившаго въ этой крѣпости, были двѣ дочери: Зул-Хумѳр и Гул-Хумѳр; первая послѣ нашествія правовѣрныхъ приняла мусульманство, вторая же удалилась въ мѣста, населенныя теперь Кафирами племени Парѳг, и стала ихъ родоначальницей. Выше по Пянджу у Жамчѳн'а была другая крѣпость, грандіозные остатки коей покрываютъ и по сейчасъ весь хребетъ горы; здѣсь жилъ Замр, братъ Кахкаа, третій же ихъ братъ, Заңгѳбр, владѣлъ третьей крѣпостью (ниже Лянгаря). Кромѣ того въ Сархадѣ (въ афганскомъ Ваханѣ) была крѣпость, порученная рабу Кахкаа, по имени Сарѳх-Чупѳн. Два первые брата: Кахкаа и Замр, жили со своими сестрами, причемъ Замр всякій разъ, что ходилъ къ своей сестрѣ (и вмѣстѣ съ тѣмъ женѣ), жившей по ту сторону Пянджа, перепрыгивалъ черезъ рѣку, и потомъ, совокупившись съ сестрой, прерывалъ совокупленіе и глоталъ собственное сѣмя. Сестра его отъ этого стала болѣть, и, хворая все сильнѣе и сильнѣе, обратилась за совѣтомъ къ одной старухѣ. Та узнавъ въ чемъ дѣло, научила ее обнять брата покрѣпче и не отпускать его до

¹⁾ Это преданіе записано въ сел. Рынд 25-го августа 1902 г. отъ Наматгутскаго жителя *املا نظر شاه*.

конца акта совокупления. Когда она послѣдовала этому совѣту, Запр потерялъ силу и, возвращаясь черезъ рѣку, не смогъ черезъ нее перепрыгнуть, упалъ и сильно расшибся. Въ концѣ концовъ, по легендѣ, всѣ три брата были убиты Али во время его похода.

Другая легенда, связанная съ именемъ Али, слѣдующаго содержания. Есть озеро около селенія Бѳзгѣр въ Зебакѣ, гдѣ живетъ страшный семиглавый драконъ. Въ глубокую старину ему ежедневно приносили въ дань одну дѣвицу, одного быка, сорокъ барановъ и сорокъ большихъ хлѣбовъ, и онъ, довольствуясь этими приношеніями, не раззорялъ страны. Али, прибывъ къ озеру, увидалъ на берегу его одинокую дѣвицу, стоящую вмѣстѣ съ другими дарами; она оказалась единственной дочерью бѣдной старушки. Али спросилъ ее, почему она не бѣжитъ, но она отвѣчала, что односельчане ей этого не простятъ, а драконъ станетъ опустошать окрестности. Тогда Али рѣшилъ вступить въ бой съ дракономъ, но въ ожиданіи его появленія легъ спать, положивъ голову на колѣни дѣвушки, чтобы она разбудила его, когда настанетъ время. Однако онъ заснулъ такъ крѣпко, что, когда драконъ сталъ показываться, дѣвушка не могла разбудить героя и въ отчаяніи заплакала, одна изъ ея слезъ упала на лицо Али, разбудила его, и онъ началъ битву съ чудовищемъ, но на мѣсто каждой изъ отрубленныхъ имъ головъ дракона выростала новая. Когда же онъ, отрубивъ шесть головъ, надрубилъ седьмую, драконъ упалъ обратно въ озеро и исчезъ въ водѣ. На окровавленномъ мѣстѣ побоища остались два его глаза; они превратились въ камни, и мѣстные жители до сихъ поръ ихъ показываютъ. Дѣвушка вернулась въ Бѳзгѣр, но тамъ сначала не хотѣли вѣрить ея разсказу, пока наконецъ ея мать и одинъ изъ односельчанъ, старикъ, не пошли съ ней на мѣсто битвы и, увидавъ глаза дракона, не поспѣшили обратно съ радостной вѣстью; въ селеніи по этому случаю было большое ликованіе и пиръ. Полумертвый же драконъ, упавъ назадъ въ озеро, до сихъ поръ живетъ въ одномъ его углу, подъ водой, и отъ времени до времени слышится его голосъ, сильный ревъ изъ подъ воды. Каждый разъ, какъ этотъ звукъ раздается, жители принимаютъ его за предзнаменованіе скорой смерти кого-нибудь изъ односельчанъ.

Въ Ваханѣ есть селеніе Наматгут; по объясненію Ваханцевъ, названіе его прежде было Намак-кут (نمک کُوت), т. е. «много соли», такъ какъ около этого мѣста были соляныя копи, но потомъ Али (котораго они такъ же какъ и большинство мусульманъ называютъ شاه مردان), во время битвы съ легендарнымъ Кахкаѣ, испустилъ крикъ и вся соль въ копияхъ исчезла; отъ этого крика исчезла также и вся растительность въ горахъ Вахана и Ишкашима. До того времени горы были покрыты кустарникомъ и лѣсами, но во время битвы невѣрные спрятались всюду подъ прикрытіе деревьевъ; отъ

крика Али послѣднія всё сгорѣли и невѣрные погибли вмѣстѣ съ ними, горы же оголились навсегда. Мѣстность, гдѣ теперь Горон, осталась въ сторонѣ отъ тѣхъ земель, гдѣ разыгралась война Али противъ невѣрныхъ (тамъ и нѣтъ развалинъ «крѣпостей кафировъ»), поэтому крикъ Али туда не проникъ, и растительность въ Горонѣ сохранилась.

Отъ стараго времени остались кое-гдѣ, какъ говорятъ, и надписи на скалахъ; одна такая надпись находится будто-бы на черномъ камнѣ на границѣ между Зебакомъ и афганскимъ Ишкашимомъ; другая, повидимому съ очень древними знаками, находится въ Бадахшанѣ, по ту сторону Файзабада. Камень на которомъ она высѣчена, называется Сѣнгі-мӯр (سنگِ مهر), «камень печати», и окружающая его степь دشت سنگ مهر. Существуетъ весьма распространенное въ тѣхъ мѣстахъ повѣріе, что русскіе намѣрены завладѣть страной до этого мѣста; печать на камнѣ наложена будто-бы въ прежнее время ихъ предками, и означаетъ предѣлъ ихъ грядущихъ завоеваній. Вообще, русскіе очень популярны въ Бадахшанѣ, и когда Таджикиамъ съ праваго берега доводится ходить туда, то мѣстные жители принимаютъ ихъ ласково и часто спрашиваютъ, скоро ли русскіе придутъ и избавятъ ихъ отъ Афганцевъ.

Время владычества Бадахшана горцы называютъ wáxті - ūzбакō (وقت اوزبكان) «время Узбековъ»; на самомъ же дѣлѣ население Бадахшана смѣшанное; оно состоитъ изъ Узбековъ и Таджикивъ, но, повидимому, первые, какъ болѣе воинственные, захватили власть въ свои руки. Бадахшанскіе Таджики, говорящіе нарѣчіемъ персидскаго языка, дѣлятся на нѣсколько племенъ, причемъ племена эти немного разнятся другъ отъ друга своимъ говоромъ. По словамъ Таджикивъ праваго берега Пянджа, самое многочисленное племя (3—4 тыс. домовъ), Роѹ, населяетъ сѣверную часть страны; за нимъ идетъ Јафтал, наиболѣе вліятельное и сильное племя, потомъ Рустакъ, Кішм, Бѹракъ, Вардуцъ, Зардѹвъ и другія.

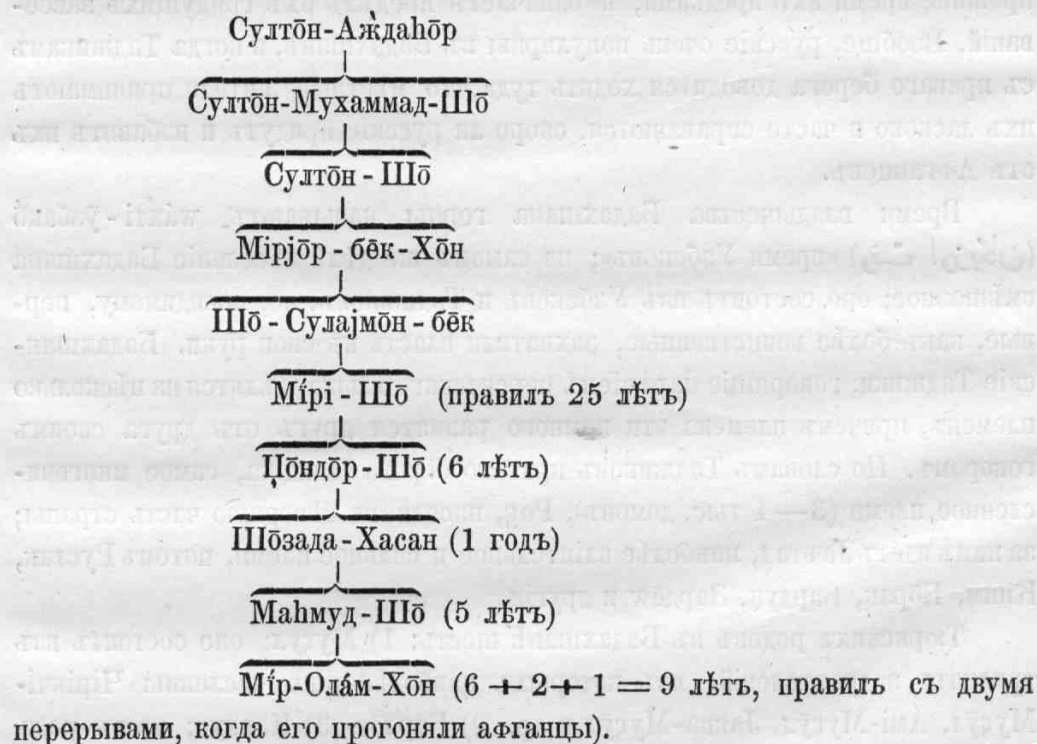
Тюркскихъ родовъ въ Бадахшанѣ шесть: 1) Муѹл; оно состоитъ изъ тридцати подраздѣленій, изъ которыхъ наиболѣе многочисленны Чірікчі-Муѹл, Амі-Муѹл, Јакка-Муѹл и др. 2) Барлѹс. 3) Карлукъ; этотъ родъ тоже распадается на подраздѣленія, изъ которыхъ болѣе многочисленно Карлукі-мірзѹ; нѣкоторые карлукскіе роды производятъ себя отъ Чингизъ-Хана. 4) Калта-тѹј. 5) Чуңг. 6) Чіңгиз; этотъ родъ дѣлится на собственно Чіңгиз и Утранчі.

Наслѣдникъ послѣдняго изъ Бадахшанскихъ мировъ, Искандеръ-Ханъ, проживаетъ на Бухарской территоріи; имъ сообщена нижеслѣдующая генеалогическая таблица Бадахшанскихъ мировъ:



Искандеръ-Ханъ проживаетъ въ Ишкашимѣ, Шѣзада-Цѣхѣнгѣр и Бѣбѣ-бѣк въ Кабулѣ.

Таблица царствовавшихъ мировъ.



Миры Вахана также подчинялись Бадахшану, но были, повидимому, самостоятельныѣ Ишкашимскихъ и сохранили наслѣдственность престола. Платили они дань людьми (мущинами и женщинами) такъ же, какъ «ша» Шугнана и мехтары Читрала. Послѣдніе, впрочемъ, отдавали своихъ подданныхъ въ Бадахшанъ потому, что приходились сродни Бадахшанскимъ мирамъ съ давняго времени (به طریق دوستی). Существуетъ повѣріе, что Ваханъ въ древніе вѣка, при Соломонѣ, былъ мѣстомъ изгнанія для разныхъ дивовъ, пари и прочихъ духовъ, прогнѣвившихъ чѣмъ-либо Соломона

и изгнанныхъ имъ сюда въ заточеніе изъ другихъ странъ. Миры Вахана жили въ Кала-и-Пянджѣ. Сынъ-же, братъ или другой родственникъ мира назначался имъ правителемъ въ Хандуст. Во время Бадахшанскаго владычества Ваханъ дѣлился на четыре «сада»: Сад-Иштираг, Хандуд (или Хандуст), Спинъ и Сархад.

По отзывамъ теперешнихъ Ваханцевъ, миры ихъ правили въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

میر مسکه	— Мір Маска.
میر حیا	— Мір Хайѣ.
میر مهدی	— Мір Махді
میر منصور	— Мір Мансур
شاه جهان	— Шѣ Цехѣн
جهان خان	— Цехѣн Хѣн
فتح علی شاه	— Фатх Алі Шѣ
علی مردان شاه	— Алі Мардѣн-Шѣ.

Каждый изъ нихъ былъ сыномъ своего предшественника. Когда Афганцы заняли Бадахшанъ, Абдуррахманъ-Ханъ вызвалъ Алі-Мардѣн-Шѣ въ Кабуль; но тотъ, боясь казни, каковой уже подверглись нѣкоторые другіе изъ бывшихъ Таджикскихъ правителей, бѣжалъ въ Шікаман (на картахъ «Ишкманъ», въ англійскихъ предѣлахъ). Одинъ Ваханецъ, по имени Мулла-Ашур, поскакалъ въ Кабуль и доложилъ Абдуррахманъ-Хану о случившемся; онъ такъ понравился эмиру, что тотъ назначилъ его наибомъ въ Ваханъ. Попытки Алі-Мардѣн-Шѣ возстановить свою власть въ Ваханѣ окончились всѣ неудачами и вызывали всякій разъ со стороны Афганцевъ жестокія репрессаліи. Мулла-Ашур умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и теперь должность Ваханскаго наива перешла къ его сыну.

II.

Остатки прежняго общественнаго строя.

Въ древнее время жители Ишкашима, Зебака и Вахана дѣлились на касты, и слѣды этого строя остались и понынѣ. Такъ въ Афганскомъ Ишкашимѣ въ селеніи Турбат живутъ потомки лицъ духовной касты, сейиды, которые до сихъ поръ вступаютъ въ бракъ только со своими односельчанами; въ другихъ селеніяхъ жители Турбата исполняютъ обязанности имамовъ и учителей. Говорятъ они всѣ по персидски и даже подъ Афганскимъ владычествомъ пользуются льготами въ платежѣ податей; по официальному Афганскому исчисленію, ихъ 20 домовъ; на самомъ дѣлѣ до 30.

Военную аристократію составляли акѣбѣрѣ (اکابرانъ отъ اکبر), или наўкар, приуроченные теперешнимъ строемъ на обоихъ берегахъ Пянджа къ остальному населенію, но сохранившіеся въ сознаніи народа; они встрѣчаются въ разныхъ селеніяхъ, по нѣскольку домовъ въ каждомъ. Въ Зебакѣ селеніе Ничум состояло сплошь изъ акѣбѣрѣ. При завоеваніи края Афганцами они всего болѣе яростно отстаивали свою независимость и поэтому пострадали сильнѣе другихъ классовъ населенія; они лишились всѣхъ своихъ старинныхъ привилегій, и Афганцы обложили именно ихъ и потомковъ ихъ самыми тяжелыми налогами. Въ прежнее, до-афганское время, они не платили податей, но были обязаны выходить вооруженными на войну по призыву правителя; дочерей своихъ они не выдавали замужъ за людей, обложенныхъ податями, гордились своимъ происхожденіемъ и заслугами предковъ и слѣдили за своей генеалогіей. Одинъ изъ домовъ акѣбѣрѣ до сихъ поръ знаетъ имя своего родоначальника, нѣкоего Бурі²⁾. Глава другого

2) Имя, очевидно, тюркскаго происхожденія (بوری — волкъ).

такого дома акѡбїрѡ (въ 1902 году въ селенїи Нут) считалъ себя настолько знатнѣе своихъ сосѣдей, что предпочелъ выдать свою дочь за прїѣзжаго торговца, хаджи изъ Оша, скорѣе чѣмъ за кого-либо изъ нихъ. «Хотя бы и за сарта ее выдамъ», говорилъ онъ: «да ни за кого изъ васъ». Наўкар, или акѡбїрѡ, имѣли особыя тарханныя грамоты, откуда пошло ихъ прозвище тарѣѡн, въ смыслѣ людей, пользующихся привилегїями. Свое потомственное званїе они получили въ разное время, и бывали, напримѣръ, случаи, когда миръ жаловалъ кому-нибудь грамоту на званїе акѡбїр, выдавая за него свою дочь, и потомство этого лица пользовалось тѣми же правами, какъ и остальные члены сословія.

Существовала также каста «слугъ» (чѡкар — چاکر); именемъ ихъ называется и теперь одна мѣстность, откуда селенїе уже исчезло, и гдѣ остались только поля. Въ селенїи Чѡкар жили такіе «слуги», на обязанности которыхъ лежало окарауливанїе войска во время похода, а также поставка прислуги правителямъ. Земли чѡкар'овъ были разбросаны по разнымъ селенїямъ, и въ настоящее время эта каста, смѣшавшись съ остальными жителями, не только не составляетъ отдѣльной единицы, но, по большей части, забыла свое происхожденїе. Такое же селенїе, съ тѣмъ же названїемъ Чѡкар, но съ болѣе сохранившимися традиціями, существуетъ въ Зебакѣ; въ этой странѣ и понынѣ удержалось дѣленїе на арѡбѡства, существовавшее раньше и въ Ишкашимѣ. По этой административной системѣ, на семь арѡбѡствъ приходится одно, называемое Чѡкар, и хотя селенїя, входящїя въ составъ его, разбросаны между другими населенными пунктами Зебака, принадлежащими къ другимъ арѡбѡствамъ, они тѣмъ не менѣе составляютъ одно арѡбѡство; очевидно, этотъ пережитокъ стараго строя указываетъ на прежнїй порядокъ, по которому каждая каста имѣла свое отдѣльное управленїе.

Во времена вассальнаго подчиненїя Бадахшану, подати взимались слѣдующимъ образомъ: осенью каждый домъ платилъ правителю по одной веревкѣ, одной подковѣ и одному куску бычачьей шкуры на пару «чарук»овъ (мѣстная обувь). Правитель имѣлъ также право требовать два раза въ годъ доў-доў, т. е. уплаты налога въ размѣрѣ одного шерстяного халата съ четырехъ домовъ, халата, либо сшитаго, либо въ кускѣ, смотря по требованїю. Кромѣ того хозяева каждаго дома въ Ишкашимѣ должны были по очереди являться къ миру и служить ему сутки до прихода смѣны. Являясь къ правителю, они должны были приносить одного барашка, одинъ мѣшочекъ муки, мѣрой въ два «сер»а, одну чашечку молока къ чаю (чѡj-катык), одну чашечку масла, одинъ кусокъ сала для освѣщенїя (روغن چراغ) и два ослиныхъ вьюка дровъ. Жена принималась печь хлѣбы изъ принесенныхъ припасовъ, мужъ разводилъ огонь, носилъ воду и проч.

Для отсылки дани въ Бадахшанъ собиралась еще особая подать: съ каждаго дома по 3 теньги и со всего Ишкашима 5 лошадей и до 5 соколовъ. Раскладка производилась по селеніямъ: такъ селенія Хірмані и Оінгардѣ должны были вмѣстѣ поставлять одну лошадь и одинъ доў-доў.

Въ Ваханѣ податное сословіе тоже платило по одной веревкѣ, одной кожѣ на пару обуви, одной подковѣ, одной чашкѣ масла, одному барану и одному мѣшку хлѣба. «Тарѣѣ»³⁾ же, т. е. классъ привилегированныхъ людей болѣе благороднаго происхожденія, въ Ишкашимѣ освобожденные отъ податей, въ Ваханѣ платили по одной головѣ рогатаго скота или по два халата.

Въ Ишкашимѣ и сосѣднихъ странахъ встрѣчаются еще рабы, т. е. люди, купленные за деньги въ Афганистанѣ. Ихъ называютъ хызматгѣр. Человѣкъ же, служащій за деньги, наемникъ, называется *jatim*³⁾.

Пережиткомъ старинныхъ обычаевъ являются также воззрѣнія на честь и безчестіе. Последнее причиняется выбриваніемъ сухой головы (не смоченной водою). Такъ, напримѣръ, во время возстанія, вспыхнувшего около пятнадцати лѣтъ тому назадъ въ Бадахшанѣ, вслѣдствіе ложнаго слуха о смерти Абдуррахманъ-Хана, къ Бадахшанцамъ, понадеявшимся избавиться отъ афганскаго ига, примкнули другія горныя племена. Среди Шугнанцевъ нѣкій Хуѣ-Назар (خواجه نظر) остался вѣренъ Афганцамъ и не соглашался на уговоры сородичей присоединиться къ возставшимъ. Тогда ему выбрали голову бритвой, не смачивая волосъ, и, опозоривъ его такимъ образомъ, посадили на кобылу, привезли изъ Ишкашима, гдѣ онъ тогда находился, въ Шугнанъ, и бросили въ Пянджъ, привязавъ ему камень къ поясу.

3) Отъ арабскаго *یتیم* — сирота.

III.

Обычаи, обряды и повѣрія.

1. По случаю рожденія.

Рожденіе сына у людей состоятельныхъ сопровождается праздникомъ, но у бѣдняковъ это бываетъ только въ честь первенца; если родилась дѣвочка, хотя бы она была первымъ ребенкомъ въ семьѣ, туя (توی — пиршество) не бываетъ. Если родился мальчикъ, а отецъ въ это время въ отлучкѣ, то къ нему бѣжитъ «вѣстникъ радости» (міждагір) объявить о происшедшемъ, и отецъ долженъ дать ему за это подарокъ.

Когда по селенію разнеслось извѣстіе о рожденіи мальчика, къ его родителямъ въ домъ собираются знакомые: мужчины и женщины. Первые читаютъ молитву о благополучіи новорожденного и приносятъ каждый по небольшому луку (хас-тірык) съ красной тетивой и сильно загнутыми (почти кольцомъ) концами. Въмѣсто стрѣлы въ луку прикрѣплено маленькое деревянное изображеніе сабельнаго клинка. Эти лучки привѣшиваютъ къ веревкѣ, протянутой надъ роженицей отъ стѣны до стѣны, и оставляютъ такимъ образомъ семь дней. Потомъ ихъ собираютъ и вѣшаютъ еще на семь дней на колышки, вбитые въ стѣну; затѣмъ ихъ выносятъ изъ дому и привязываютъ къ какому-нибудь дереву, гдѣ ихъ уже оставляютъ навсегда.

Такіе лучки приносятъ только мужчины; женщины же запасаются мукой, которой обсыпаютъ одѣяло роженицы и стѣны дома, приговаривая: муббракъ вѣні (будь благословенна), но молитвъ онѣ не читаютъ. Если родилась дѣвочка, то въ домъ къ родителямъ приходятъ только женщины; обряды онѣ соблюдаютъ тѣ же, что и при рожденіи мальчика.

Существуетъ также обычай какъ въ Ишкашимѣ, такъ и въ смежныхъ съ нимъ странахъ, что друзья и родственники приходятъ къ дому, гдѣ родился сынъ, и стрѣляютъ изъ ружей; отецъ новорожденного предлагаетъ имъ угощеніе.

2. По случаю свадьбы.

Сыновей въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, женятъ въ Ишкашимѣ только богачи. Временемъ наступленія половой зрѣлости считается 15 лѣтній возрастъ. Бѣдняки же, не имѣя возможности собраться съ силами и отпраздновать свадьбу именно тогда, когда сынъ только еще становится работникомъ, женятъ его, по большей части, позднѣе, лѣтъ 15 — 20.

До формальнаго сватовства отецъ жениха, обыкновенно, сговаривается наединѣ съ отцомъ невѣсты. Въ случаѣ согласія послѣдняго на свадьбу, приступаютъ къ открытому сватовству. У отца жениха пекутъ лепешки, которыя онъ затѣмъ несетъ въ домъ невѣсты; сопровождаетъ его свать, всего чаще человѣкъ пожилой, находящійся въ родствѣ съ семьей невѣсты. Придя въ домъ къ ней, они подносятъ свои лепешки, а затѣмъ до вечера проводятъ время въ бесѣдѣ съ хозяевами и за угощеніемъ. Вечеромъ же, а иногда только на слѣдующее утро, если ихъ упросили остаться ночевать, свать заводитъ рѣчь о цѣли посѣщенія. Когда родители невѣсты изъявили свое согласіе, зажигаютъ куреніе на очагѣ и читаютъ молитву, послѣ чего отецъ жениха и свать уходятъ. Спустя нѣкоторое время отецъ жениха снова идетъ къ отцу невѣсты и заявляетъ о выбранномъ имъ времени для свадьбы; тутъ же они условливаются о вѣнѣ, рядятся.

Вѣно никогда не выплачивается скотомъ; состоитъ оно, главнымъ образомъ, изъ кусковъ бумажныхъ матерій, кола, причемъ счетъ имъ ведется на «девятки» (4j), т. е. девять по большей части однородныхъ предметов принимаются за единицу счета. «Девятка» бумажныхъ тканей (самый употребительный товаръ при уплатѣ вѣна) состоитъ изъ девяти кусковъ матеріи длиною каждый въ 12 аршинъ и шириною въ $\frac{1}{2}$ аршина. У бѣдныхъ даютъ за дѣвушку отъ 4 до 7 «девятокъ», у людей состоятельныхъ до 15. На богатыхъ свадьбахъ прибавляютъ къ тканямъ еще разныя вещи для домашняго обихода, напр.: одѣяла, войлоки, чашки, чайники, блюда и т. п., но принимая опять таки девять штукъ за единицу счета. Кромѣ того, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, въ составъ вѣна входятъ въ разныхъ количествахъ бараньи туши, јахні.

За покупкой главной составной части вѣна, бумажныхъ матерій, отецъ жениха и отецъ невѣсты ѣдутъ вмѣстѣ либо въ Бадахшанъ, либо въ Шугнанъ, туда, гдѣ имѣется бѣзѣр, т. е. двѣ-три лавки въ одномъ мѣстѣ. За два дня до свадьбы въ домъ жениха созываютъ нѣсколькихъ стариковъ, и хозяинъ совѣтуется съ ними для выбора лучшаго изъ кусковъ купленной матеріи, каковой и посылаютъ въ домъ невѣсты вмѣстѣ съ тушей барана. Этотъ обычай называется нѣшѣнѣ («на показъ», «на образецъ», отъ نشان);

во время его совершенія соблюдается кынбра, т. е. передъ тѣмъ человѣкомъ, который несетъ дары, идетъ другой и кричитъ: кынбра, кынбра (کناره), «въ сторону, въ сторону!», дабы встрѣчные сторонились. Хотя это дѣлается, главнымъ образомъ, во избѣжаніе встрѣчи съ людьми, приносящими несчастье, но при нѣшбнѣ считается дурной примѣтой встрѣтить кого-бы то ни было⁴). Посылаемая матерія идетъ на шитье приданого, а мясо на свадебное угощеніе.

Послѣ отправки нѣшбнѣ начинаютъ готовиться въ свадебному пиру. Въ домѣ жениха собираются родственники и знакомые, устраивается сараспа⁵) и пр. Родственники невесты собираются только у нея и въ домъ жениха не появляются.

Въ назначенный счастливый часъ (о выборѣ его заранее справляются у муллы) поѣзжане (исключительно мужчины) отправляются за невестой, распѣвая пѣсни подъ аккомпаниментъ бубновъ. Въ поѣздѣ бываютъ и пѣшіе, и конные; послѣдніе считаются украшеніемъ и гордостью поѣзда, но дорого обходятся хозяину, который долженъ кормить ихъ лошадей. Вѣно везется вмѣстѣ съ поѣздомъ. Поѣзжане не ѣдутъ прямо въ домъ къ невестѣ, а останавливаются гдѣ-нибудь у ея сосѣдей, куда къ нимъ является колиң-бур (относящій вѣно — قالین-بر); послѣдняго посылаютъ изъ дома невесты проверить количество и качество вѣна. Ему надѣваютъ халатъ и повязываютъ голову кускомъ матеріи для чалмы (سَلَّه), послѣ чего онъ возвращается въ домъ невесты и заявляетъ, что вѣно въ исправности. Послѣ этого поѣздъ двигается дальше. Когда до дома уже недалеко, женихъ садится на спину одного изъ дружекъ, и они первые подходятъ къ дверямъ. Одинъ изъ родственниковъ невесты держитъ дверь запертой и открываетъ ее только послѣ выкупа, который ему даютъ въ видѣ одного куска бумажной матеріи.

Когда дверь отворена, жениха встрѣчаетъ одна изъ родственницъ (обыкновенно тетка) невесты, держа въ одной рукѣ чашку съ молокомъ съ подбавленнымъ въ него масломъ, а въ другой лепешку хлѣба. Женихъ, все еще сидя на спинѣ пріятеля, отламываетъ кусочекъ лепешки, обмакиваетъ его въ молоко, кладетъ въ ротъ и запиваетъ молокомъ. Женщина, обыкновенно жена того человѣка, который держалъ дверь, получаетъ свою долю изъ отданнаго ему выкупа. Кромѣ того дядѣ невесты съ материнской

4) Ишкашимцы и сосѣди ихъ, а также и Хуфцы, дѣлятъ людей на два разряда: дал-ва́тдѣр (счастливый, приносящій счастье دولت-دار) и бе́далва́т (несчастливый, не приносящій счастья ابدی-دولت).

5) Для этого привязываютъ козла, и всадники стрѣляютъ въ него на скаку съ извѣстнаго разстоянія; наиболѣе ловкіе стрѣлки получаютъ призы.

стороны даютъ передъ свадьбой *haki shir* (حق شیر), состоящій изъ одежды, 20 аршинъ чалмы (دستار), двухъ платковъ, одной пары галошъ, одной пары серегъ и одной большой бараньей туши. Онъ также выбираетъ себѣ одну изъ лошадей поѣзжанъ и одно ружье.

Затѣмъ всѣ входятъ въ домъ и усаживаются. Начинается угощеніе, а съ наступленіемъ счастливаго часа (также заранѣе опредѣленнаго знающими людьми) приступаютъ къ совершенію брачнаго обряда (نگاح). Муллѣ подають воды въ чашкѣ, на которой положена скалка (онъ сидя опирается на нее, такъ что она, очевидно, изображаетъ посохъ) и поверхъ скалки нѣсколько аршинъ матеріи, которые поступаютъ въ пользу муллы. Чашка послѣ обряда также становится его собственностью. Одинъ изъ присутствующихъ подноситъ воду по три раза сначала жениху, потомъ невѣстѣ, и они каждый разъ пьютъ изъ чашки; послѣ этого человѣкъ, поднесшій ее, называется падър-хѳн въ отношеніи молодыхъ, т. е. нареченный отецъ, хотя онъ, обыкновенно, бываетъ совсѣмъ молодымъ, но всегда женатымъ.

Послѣ заключенія брака молодую чету усаживаютъ въ особомъ мѣстѣ у очага, отгороженномъ низенькими стѣнками и называемомъ чут-рѣж, гдѣ происходитъ слѣдующая сцена. Существуетъ повѣрье, что въ семейной жизни будетъ первенствовать тотъ изъ супруговъ, который послѣ брачнаго обряда сѣлъ послѣднимъ; поэтому долгое время ни одинъ изъ нихъ не хочетъ сѣсть, и друзья каждого уговариваютъ его перестоять другого. Наконецъ, когда они сговариваются садиться одновременно, парни, пріятели жениха, и дѣвушки, подружки невѣсты, прибѣгаютъ ко всякимъ уловкамъ, чтобы обмануть другую сторону; въ дѣло вмѣшиваются старики, наскучивъ ихъ криками и возней, приходятъ и бранятъ молодежь; но и послѣ этого каждая изъ сторонъ увѣряетъ, что она провела другую.

Если домъ новобрачнаго неподалеку, то всѣ отправляются туда; въ обратномъ случаѣ остаются ночевать у молодой въ нарочно отгороженномъ углу. Если рѣшено идти въ домъ къ молодому, то зовутъ того дядю невѣсты (хѳлук), который получилъ *haki-shir*, и спрашиваютъ, что онъ даетъ племянницѣ; тогда онъ даритъ ей изъ числа полученныхъ имъ предметовъ галоши и серьги. Когда сборы кончены, одна изъ женщинъ беретъ муки, ~~которой~~ которой кидаетъ три раза въ отверстіе въ крышѣ (дымовое), а затѣмъ, крича кынѳра, бросаетъ ею-же по разу надъ дверью и по ея бокамъ и по тѣмъ-же тремъ сторонамъ второй двери изъ передней (арам), послѣ чего выбѣгаетъ наружу. Всѣ гости выходятъ вслѣдъ за ней, и въ домѣ съ молодыми не остается никого, кромѣ своихъ. На очагѣ разведено куреніе; молодая подходитъ къ нему, притрагивается рукой какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ дымится куреніе, и подноситъ эту руку къ губамъ, затѣмъ ко лбу; взявъ щепотку золы изъ очага, она опускаетъ ее себѣ за голенище

сапога. Молодой прощается съ родителями жены, поднося ихъ руки къ своему лицу (цѣлуя ихъ или дѣлая видъ, что цѣлуетъ), и выходитъ съ женой. Дядя молодой подводитъ лошадь, выбранную имъ изъ حق شیر. Вмѣстѣ съ новобрачной везутъ ея приданое, состоящее изъ одѣялъ и войлоковъ; ихъ обвязываютъ нѣсколькими (2—3) аршинами матеріи, которые даются въ награду принесшимъ вѣно. Везутъ также и съѣстные припасы (хлѣбъ, баурсаки⁶⁾ и т. д.), такъ какъ считается, что первые семь дней въ домѣ мужа молодая должна жить на собственномъ иждивеніи, родители даютъ ей на это также масло, муку, довольно большой кусокъ соли и свѣтильникъ (چراغدان). Одинъ изъ молодыхъ ея родственниковъ, называемый въ данномъ случаѣ цілау-гир'омъ (جلوگیر), ведетъ подъ уздцы ея лошадь. Молодой ѣдетъ впереди жены. Пѣвцы поютъ:

* ای شاه مبارک باد ای * پادشاه مبارک باد ای *

Музыканты колотятъ въ бубны. Подходя къ дому, поютъ:

* خوش آمدی ای * خوش آمدی ای *

* و ت. п. * میهمان من ای * خوش آمدی ای *

Когда новобрачные подъѣзжаютъ къ дому, одна изъ женщинъ, живущихъ въ немъ, выноситъ чашку молока съ масломъ (но безъ хлѣба), чтобы отпила изъ нея молодая. Но послѣдняя не соглашается слѣзть съ лошади, и ее заманиваютъ обѣщаніями, въ родѣ того, напр., что такая-то корова будетъ считаться ея собственностью; тогда она слѣзаетъ, отпиваетъ молока или, обмочивъ въ немъ палецъ, подноситъ его ко рту. Женщинѣ, поднесшей ей чашку, молодая даритъ кольцо, заранѣе у нея для этого припасенное въ особомъ мѣшочкѣ. Засимъ кто-нибудь беретъ ее на спину и вноситъ въ домъ; обыкновенно, это дѣлаетъ جلوگیر, если только онъ не вернулся къ себѣ домой съ полдороги, получивъ свой амал (вознагражденіе). Когда новобрачную подносятъ къ двери дома, то на порогѣ передъ ней рѣжутъ барана, затѣмъ оттаскиваютъ тушу, и тогда только ей можно войти. Слѣдомъ за молодой стекаются въ домъ сосѣдки, и каждая изъ нихъ кидаетъ мукой (что вообще служить знакомъ благоволенія) сначала въ отца новобрачнаго, поздравляя его при этомъ, потомъ въ мать, въ молодого и въ молодую; послѣ этого по разу кидаютъ мукой въ стѣну. Новобрачную сажаютъ въ чут-рѣж;

6) Тѣсто, наръзанное кусочками и испеченное въ кипящемъ маслѣ.

поѣзжане размѣщаются на остальныхъ нарахъ. Имъ даютъ угощеніе, а молодые въ своемъ углу также ѣдятъ, но отдѣльно другъ отъ друга; молодая и на этотъ разъ не соглашается приняться за пищу прежде, чѣмъ получить какой-нибудь подарокъ отъ свекра. До этого времени она завѣшана покрываломъ, и только послѣ того, какъ ее посадили въ домъ свекра, нареченный отецъ, падър-хѳн (тотъ, который предлагаетъ ей воду во время бракосочетанія) открываетъ ей лицо той скалкой, которая была въ рукахъ муллы во время обряда брака. При этомъ падър-хѳн даритъ молодой платье (сар-тѳ-пѳ) и корову. Затѣмъ развязываютъ съѣстные припасы, привезенные вмѣстѣ съ новобрачной, и раздаютъ ихъ всѣмъ присутствующимъ женщинамъ, которыя вслѣдъ за этимъ уходятъ.

На другой день послѣ свадьбы молодой присылаютъ изъ дома отца чашку шурпы (нѳрі), если разстояніе между домами небольшое, а въ обратномъ случаѣ — тушу барана. Спустя четыре дня, оттуда же присылаютъ большую деревянную чашку (нѳлѳн) съ тѣстомъ, замѣшенномъ на маслѣ, маленькую чашку съ тѣмъ же тѣстомъ, уже испеченнымъ (эта чашка предназначена специально для молодой) и еще тушу большого барана.

Впродолженіе первыхъ семи дней новобрачная живетъ въ своемъ отдѣленіи, не выходя наружу (кромѣ какого-нибудь экстреннаго случая). Эти семь дней она проводитъ все время въ присутствіи своей мѳдар-і-шѳр (مادر شیر). Хотя за это время мужъ и спитъ вмѣстѣ съ женой, но до истеченія семи-дневнаго срока не вступаетъ съ ней въ половыя сношенія. Если же мужъ не сдержался, его поведение осуждается другими, которые говорятъ: «эдакій нетерпѣливый (بی صبر), не могъ даже дождаться, пока уйдетъ мѳдар-і-шѳр!» Послѣ семи дней молодую навѣщаютъ ея родители и приносятъ съ собой въ видѣ подарка съѣстные припасы и матеріи. Передъ ихъ приходомъ является посаженный отецъ (پدرخوان или پدر عروس) съ женой, которая моетъ новобрачной голову.

Если выходить замужъ вдова, то не бываетъ ни подношенія ей молока, ни упрашиванія, ни подарковъ.

Когда у женщины умираетъ одинъ мужъ за другимъ, и если она схоронила такимъ образомъ больше четырехъ (иногда до семи), ее называютъ шѳхыр (мужеѣдица — شوهرخور⁷⁾). Для того чтобы отклонить отъ себя тягѳтѳющій надъ ней рокъ, она подходитъ къ какому-нибудь дереву и обнимаетъ его три раза, приговаривая шопотомъ: «о дерево, ты мой мужъ». Дерево должно послѣ этого засохнуть, и этимъ слѣдующій мужъ избавляется отъ опасности умереть. Въ Ишкашимѣ женщина продѣлываетъ это потихоньку, въ одиночествѣ, а не публично, какъ это бываетъ въ Хуфѣ.

7) Въ Бадахшанѣ такая женщина называется сѳѳѳ-бѳлѳн (черная подушка).

3. По случаю смерти.

Въ случаѣ чьей либо смерти стараются какъ можно скорѣе извѣстить объ томъ родныхъ и знакомыхъ покойника (къ тѣмъ, кто живетъ въ другихъ селеніяхъ, посылаютъ гонцовъ), и они спѣшатъ собраться въ домъ скончавшагося захвативъ съ собой по куску матеріи или что-нибудь изъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Матеріи въ количествѣ, потребномъ на шитье савана, кладутся на покойника; послѣдующія же приношенія складываются рядомъ съ нимъ и идутъ на хозяйство. Изъ нихъ же дается вознагражденіе тому, кто читаетъ коранъ надъ мертвецомъ. Приношенія продуктами прямо относятъ въ кладовую. Покойника никогда не оставляютъ долго непогребеннымъ: если онъ умеръ въ полдень или раньше, его хоронятъ въ тотъ же день, если подъ вечеръ, то на слѣдующее утро.

Часть родственниковъ, побывъ недолго въ домѣ, отправляется рыть могилу, причѣмъ роютъ ее до той или иной глубины, въ зависимости отъ того, предстоитъ ли хоронить мужчину или женщину. Съ покойника снимаютъ мѣрку, и если скончалась женщина, то глубина могилы равна разстоянію отъ ногъ по грудь; если мужчина, то — по поясъ; для мальчиковъ роютъ могилу глубиной, по крайней мѣрѣ, въ одинъ аршинъ, хотя бы по росту покойника и выходило меньше. Дно и бока могилы выкладываютъ камнями. Когда могила готова, ее покрываютъ сверху однимъ, двумя или тремя плоскими камнями, оставляя съ одного конца отверстіе, черезъ которое и пропускаютъ тѣло. Одинъ человекъ влѣзаетъ въ могилу, провѣряетъ правильность положенія покойника и разставляетъ въ опредѣленные мѣста куски сухой глины, называемые кулѹх'ами. Такихъ кусковъ кладется пять, всѣ подъ саванъ: по одному съ каждой стороны головы у ушей, по одному въ ладони обѣихъ рукъ и одинъ между ногами. Значеніе этого обычая толкуется различно. Одни изъ горцевъ говорятъ, что кулухи обозначаютъ ангеловъ (منکر و نکیر); большинство же увѣряетъ, что они служатъ для отстраненія савана отъ тѣла изъ опасенія, какъ бы руки покойника при постепенномъ ссыханіи не захватили савана. Существуетъ повѣріе, что если это случится, то въ домѣ покойника начнутъ умирать одинъ за другимъ остальные члены его семьи. Когда на самомъ дѣлѣ бываютъ такіе послѣдовательные случаи смерти въ одномъ и томъ-же домѣ, разрываютъ могилу того, кто умеръ раньше другихъ, и тщательно расправляютъ его саванъ.

Тѣло покойника кладутъ въ могилѣ на спину: ногами къ югу, головой къ сѣверу, лицомъ на право, въ сторону Каабы (قبله); бадахшанцы хоронятъ наоборотъ, ногами къ сѣверу, головой къ югу, но лицомъ также повернутымъ къ Каабѣ, слѣдовательно, на лѣво. Если умершій былъ музыкан-

См. описание
гробов...

томъ, то иногда вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ могилу инструментъ, на которомъ онъ игралъ.

Когда тѣло положено въ могилу, оставшееся отверстіе закладываютъ камнемъ и могилу засыпаютъ. Сначала ближайшіе родственники, а послѣ нихъ и остальные присутствующіе кидаютъ на нее каждый по 3 лопатки земли. При наступленіи ночи на могилѣ въ ногахъ у покойника раскладывается костеръ изъ сухого скотскаго помета; огонь тлѣетъ всю ночь и долженъ отпугивать хищныхъ звѣрей (волковъ, лисицъ), которые могли бы иначе разрыть могилу; съ этой же цѣлью посыпаютъ вокругъ могилы порошкомъ, полагая, что звѣри боятся его запаха; бросаютъ также немного пороха въ огонь.

По возвращеніи съ похоронъ, участвовавшимъ въ нихъ предлагается угощеніе изъ блюдъ, принесенныхъ родственниками и знакомыми умершаго. Въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней они же приносятъ пищу тѣмъ, кто живетъ въ домѣ, гдѣ покойникъ скончался, такъ какъ за это время въ томъ домѣ пищи не готовятъ. Спустя семь дней послѣ похоронъ, окружаютъ рядомъ камней могильный холмъ, чтобы онъ не развалился, и обмазываютъ его глиной; при этомъ съ восточной стороны холма дѣлаютъ небольшую нишу, гдѣ по большимъ праздникамъ зажигаютъ бӯѣ (курение). Одинъ изъ участниковъ въ похоронахъ, по возвращеніи въ домъ покойника, брѣшетъ головы живущимъ тамъ мужчинамъ, а женщины, собравшись со всего селенія, моютъ накопившееся въ домѣ грязное бѣлье, а также одежду, оставшуюся послѣ покойника. Затѣмъ хозяева устраиваютъ угощеніе: мужчинамъ и женщинамъ порознь, послѣ чего жизнь опять вступаетъ въ нормальныя условія.

Трауръ выражается въ ношеніи одежды темнаго цвѣта, иногда просто старой и грязной; стараются избѣгать бѣлый цвѣтъ, а также чистое или новое платье. Обыкновенно, трауръ длится очень недолго: отъ одной до двухъ недѣль; выражается онъ главнымъ образомъ тѣмъ, что обматываютъ голову и подпоясываются матеріей соотвѣтственнаго цвѣта; къ сожалѣнію, не удалось выяснить, какой именно цвѣтъ считается въ Ишкашимѣ по преимуществу траурнымъ, такъ какъ горецъ, съ чьихъ словъ это записано, говорилъ савз (سبز), т. е. зеленый, а показывалъ при этомъ на малиновый. Въ Ваханѣ мужчины обматываютъ голову голубоватымъ платкомъ; трауръ носятъ по очень близкомъ лицѣ: братѣ, отцѣ, матери, сынѣ (но не дочери); по женѣ мужъ надѣваетъ трауръ только если жена ему очень нравилась, была хороша собой; если же она была стара, то траура не носятъ.

Если окажется, что въ одномъ и томъ же селеніи одинъ человѣкъ въ глубокомъ траурѣ (напр. по сынѣ, умершемъ въ расцвѣтѣ лѣтъ), а другой собирается дать пиръ (туѣ) по случаю какого-нибудь счастливаго событія,

то, обыкновенно, праздник на время откладывается, а затѣмъ тотъ, кто хочетъ его устроить, идетъ къ тому, кто въ траурѣ, и проситъ у него разрѣшенія на устройство пира, держа рѣчь, приблизительно слѣдующаго содержанія: «о братъ, мы думаемъ устроить туй; что ты скажешь? Если ты не согласенъ, то его не будетъ. Не тужи, все на свѣтѣ мѣняется: сегодня у насъ пиръ, у тебя смерть; завтра у насъ смерть, у тебя пиръ.» Въ отвѣтъ изъясняется согласіе на туй, и когда угощеніе готово, идутъ за человѣкомъ въ траурѣ, приводятъ на пиръ, обматываютъ ему голову бѣлой чалмой и, усадивъ его, даютъ въ руки бубенъ, въ который онъ нѣсколько разъ ударяетъ, очевидно, выражая этимъ свое участіе въ весельѣ; затѣмъ теряется въ толпѣ гостей и, посидѣвъ немного съ ними, послѣ ѣды потихоньку уходитъ домой. Когда срокъ траура кончается, то (въ Ваханѣ) родственники и знакомые собираются къ тому, кто въ траурѣ, приносятъ ему подарки одежды и съѣстнымъ, брѣютъ ему голову (которой онъ во время траура не брилъ), одѣваютъ его въ новыя одежды и ѣдятъ съ нимъ принесенную пищу. Затѣмъ хозяинъ въ ознаменованіе конца своего траура рѣжетъ барана и угощаетъ гостей, которые послѣ этого расходятся ⁸⁾.

Среди мужчинъ, какъ въ Ишкашимѣ, такъ и въ окрестныхъ долинахъ, случаи самоубійства сравнительно рѣдки, среди женщинъ они гораздо чаще. Большой частью ихъ вызываютъ преслѣдованія, испытываемыя невѣстками отъ свекровей (бывали случаи самоубійства отъ страха передъ упреками свекрови за разбитую посуду) или же обнаруженіе любовной связи. Смерти ищутъ разными способами: топятся, вѣшаются, кидаются со скалъ. Существуетъ повѣріе, что въ случаѣ самоубійства «грѣхъ» за него падаетъ на человѣка, притѣсненія коего довели жертву до бѣды, и мучиться за грѣхъ будетъ притѣснитель. Такимъ образомъ, самоубійство является скорѣе мстью, чѣмъ проявленіемъ отчаянія.

4. Семья, родственныя чувства, раздѣлы, порядокъ наслѣдованія, хозяйство, посты, уборка.

Вообще у горцевъ въ верховьяхъ Пянджа родственныя чувства сильно развиты. Напр., въ случаѣ нанесенія обиды, за потерпѣвшаго вступаются его родственники; если на кого-нибудь наложенъ штрафъ или пеня, то род-

8) Въ Дарвазѣ существуетъ обычай послѣ смерти близкаго человѣка ставить каждое утро въ домѣ жаровню съ особой травой (не іспанд, употребляемая обыкновенно для куреній) и курить ее въ честь умершаго. Если покойникъ былъ очень почтеннымъ человѣкомъ, или если память его особенно дорога, то продолжаютъ это дѣлать иногда цѣлый годъ; въ другихъ случаяхъ только недѣлю или двѣ. Этотъ обычай, называемый буї, въ Ишкашимѣ не соблюдается.

ственники же помогаютъ при выплатѣ, производя раскладку между собой. Передъ началомъ какого-бы то ни было дѣла затѣвующій его всегда совѣтуется съ родственниками, и только тогда принимаетъ окончательное рѣшеніе.

Въ Ишкашимѣ, Ваханѣ, Горонѣ и Зебакѣ члены одной семьи стараются жить вмѣстѣ, не раздѣляясь; то же самое наблюдается и въ Шугнанѣ, кромѣ Хорога, гдѣ раздѣлы бывають очень часто. Какъ при жизни отца, такъ и послѣ его смерти, сыновья, по большей части, продолжаютъ жить вмѣстѣ; когда подростаютъ новые члены семьи, для нихъ пристраиваются спальни, но для обѣда и ужина всѣ собираются въ одну комнату. Если же и случается, что взрослые братья расходятся и селятся порознь, то это происходитъ, главнымъ образомъ, изъ-за ссоръ между женщинами. Обыкновенно раздѣлы бывають только между внуками, и то если семья слишкомъ разрослась. Въ случаѣ раздѣла между братьями, домъ отца переходитъ къ младшему брату, старшій же получаетъ самый большой участокъ земли. Если остались дѣти отъ разныхъ матерей, то они получаютъ равныя части наслѣдства, т. е. потомство отъ одного брака получаетъ столько же, сколько потомство отъ другого, хотя бы съ одной стороны былъ лишь одинъ ребенокъ (даже одна дочь, которая тогда называется духтарі сулоб دختر صلیبی т. е. «родная, законная (по преимуществу) дочь»), а съ другой — много дѣтей. Имущество женъ, приносимое ими съ собой въ приданое, напр. скотъ, продолжаетъ считаться ихъ собственностью; даже приплоду отъ такого скота ведется особый счетъ. Обыкновенно женщина дѣлитъ свое достояніе между своими дѣтьми еще при жизни; въ случаѣ же смерти матери безъ распоряженій объ имуществѣ, таковое дѣлится только между ея дѣтьми, безъ участія въ дѣлѣхъ дѣтей другой жены. Довольно часто встрѣчаются семьи въ 30 — 40 человекъ, въ сел. Вырангъ въ Ваханѣ есть семья, въ которой насчитываютъ до 116 человекъ; глава ея называется Мирабѣн (مهربان); само собою разумѣется, благосостояніе и инвентарь семьи въ такомъ случаѣ соотвѣтствуютъ ея численности.

Въ Бадахшанѣ, населенномъ суннитами, существуютъ другія нормы обычнаго права при раздѣлахъ.

«Старшимъ» въ семьѣ, гдѣ умеръ отецъ, бываетъ не обязательно старшій изъ братьевъ, а всего чаще наиболѣе смысленный и сообразительный изъ нихъ; послѣ того, какъ онъ выбранъ, ему подчиняются и старшіе братья. Въ семьѣ бывають, обыкновенно, двѣ главы: одинъ — старшій (калѣні хѣна «старшій въ домѣ») остается дома, слѣдитъ за полевыми работами и хозяйствомъ, завѣдуетъ заготовкой одежды и обуви на всю семью; другой — младшій, подчиненный первому (мӯсафид «сѣдовласый», на самомъ дѣлѣ очень часто молодой), завѣдуетъ дѣлами, требующими

отлучки, такъ сказать, *внѣшними* сношеніями (کارهای بیرون میداند), напр., ходить на совѣщанія по раскладкѣ податей, отвозить на продажу продукты домашняго производства (сыръ, шерстяныя матеріи, шкуры) и т. п. Все, вырученное отъ продажи, онъ представляетъ главѣ семьи. Семья одѣваетъ мӯсафід'а лучше, чѣмъ прочихъ своихъ членовъ, даже лучше, чѣмъ калѣні-хѣна, потому что онъ, какъ говорятъ горцы: «ходитъ на сторону, возвращается среди друзей у недруговъ нашихъ: надо, чтобы онъ ходилъ одѣтый въ хорошее платье» (در بیرون میرود در پیش دوستا و دشمنای ما میگذرد باید که جامهٔ خوب پوشیده رود). Во всѣхъ важныхъ вопросахъ рѣшеніе принимается послѣ совмѣстнаго совѣщанія обѣихъ главъ. На эти должности отецъ обыкновенно назначаетъ сыновей, сообразно ихъ способностямъ, еще при жизни. Назначаетъ онъ ихъ, когда чувствуетъ себя уже не въ силахъ вести хозяйство, или даетъ на это завѣтъ передъ смертью. Если дѣти рано лишились отца и выросли безъ калѣні-хѣна и мӯсафід'а, то они потомъ сами ихъ выбираютъ промежъ себя.

Печеніе хлѣба, молочное хозяйство, отходъ на лѣтнія пастбища (ајлѣк) составляютъ занятія исключительно женскія; завѣдуетъ каждымъ изъ нихъ поочередно въ теченіе года одна изъ женщинъ въ семьѣ. Срокъ, когда кончается одна очередь и начинается другая, совпадаетъ съ осенью, или точнѣе съ концомъ уборки хлѣба. Тутъ происходитъ общая смѣна должностей; такъ молочное хозяйство переходитъ въ руки той, которая занималась, напр., печеніемъ хлѣба и наоборотъ. Старшей среди женщинъ считается свекровь; послѣ ея смерти власть ея получаетъ калѣні-хѣна; онъ долженъ относиться ко всѣмъ членамъ семьи съ равнымъ безпристрастіемъ, напр. къ племянникамъ такъ же, какъ къ своимъ дѣтямъ, къ женамъ братьевъ, какъ къ своей женѣ. Въ случаѣ смерти калѣні-хѣна, на его мѣсто избирается кто-нибудь изъ его родственниковъ (обыкновенно, братъ покойника), но, какъ уже сказано выше, не старшій по возрасту, а наиболѣе выдающійся по способностямъ.

Ячмень сѣютъ два раза въ день. Первый разъ 30 дней спустя послѣ Новаго Года, причемъ сѣетъ каждый самъ по себѣ. Этотъ ячмень называется мартовскимъ, амалі (حملی). Другой рядъ сѣютъ въ то время, когда въ Бадахшанѣ, Читралѣ и Шугнанѣ поспѣваетъ тутъ (шелковица). Начинаютъ посѣвъ послѣ 90-го дня отъ Новаго Года (конецъ весны). Этотъ посѣвъ ячменя называется амрѣт. Отличается онъ отъ прочихъ посѣвовъ тѣмъ, что въ работѣ участвуютъ всѣ жители селенія; они созываютъ другъ друга на «помочи» (ашар حشر), и по окончаніи общаго труда хозяинъ поля, ихъ угощаетъ. На слѣдующій день, или, если кончили рано, то въ тотъ же день переходятъ къ другому односельчанину и т. д. Посѣвъ этотъ длится 10 дней. Подобный обычай кромѣ Ишкашима существуетъ и въ Ваханѣ;

въ Зебакѣ его нѣтъ. Каждый домъ устраиваетъ «помочи» и зимой, обыкновенно три раза (а у кого мало скота, то всего одинъ или два раза) для выноски накопившагося въ хлѣвѣ коровьяго навоза на пашню, гдѣ его сваливаютъ въ кучи до весны. Первый разъ такимъ образомъ унаваживаютъ землю, оставленную подъ посѣвъ гороха (обкыла), второй—подъ пшеницу, третій—подъ ячмень. Пометъ бараній и козій идетъ на топливо.

Фруктовыхъ деревьевъ, кромѣ немногихъ урюковыхъ (абрикосовыхъ) не сажаютъ; въ Ишкашимѣ, Зебакѣ и Ваханѣ нѣтъ даже традиціоннаго таджикскаго тута; тутовые ягоды привозятъ въ эти страны изъ Бадахшана вмѣстѣ съ орѣхами и яблоками въ обмѣнъ на шерсть. Говорятъ, что не сажаютъ фруктовыхъ деревьевъ изъ-за сильныхъ вѣтровъ, будто бы уносящихъ весною цвѣтъ, хотя въ старое время, очевидно, были фруктовые деревья, такъ какъ корни ихъ и теперь откапываютъ при расчисткѣ полей.

Въ прежнее время, при афганскомъ владычествѣ, постоянно происходили ссоры и даже драки между сосѣдями изъ-за межи, въ особенности весной, когда приступали къ посѣву. Каждый хотѣлъ захватить участокъ побольше, причемъ бѣдные въ оправданіе свое говорили, что Афганцы налагаютъ одинаковыя подати на всѣ дома, между тѣмъ какъ у богатыхъ земли больше, чѣмъ у нихъ. Съ водвореніемъ бухарской власти все измѣнилось; ссоры, и особенно драки, мигомъ исчезли. Раньше можно было ссориться не только совершенно безнаказанно, но даже не безъ выгоды; при Бухарцахъ же власти стали сейчасъ вмѣшиваться въ дѣло и брать все, что можно, и съ виноватаго, и съ праваго; такая система быстро привела къ установленію постоянного мира и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній. Теперь Ишкашимцы говорятъ своимъ сородичамъ по ту сторону рѣки во время традиціонныхъ весеннихъ дракъ: «вотъ бы вамъ такого-то хакима (называя по имени своего бухарскаго бека), вы бы узнали, что значить драться»⁹⁾.

При началѣ пахоты соблюдается слѣдующій обычай. Варится особое блюдо, называемое кѣчѣ, изъ муки на водѣ, куда потомъ подбавляютъ молока и масла; готовится кѣчѣ, повидимому, только въ этотъ день, разъ въ году. Блюдо приносятъ на поле; хозяинъ зачерпываетъ полную ложку, выливаетъ ее себѣ на ладонь и, ставъ передъ быками, запряженными въ плугъ, но еще не начавшими работы, брызжетъ имъ на морды кѣчѣ и размазываетъ рукой. Только тогда люди, пришедшіе съ хозяиномъ на пашню, принимаются за дѣлу, но они не должны съѣдать всего до конца, а оставшуюся часть кушанья берутъ и размазываютъ на лица другъ другу.

Есть и повѣртія, связанныя съ началомъ полевыхъ работъ. Послѣ того,

9) Записано въ 1900 году.

какъ хозяинъ приступилъ къ пахотѣ, онъ беретъ нѣсколько зеренъ хлѣба и потихоньку прокрадывается домой, стараясь, чтобы его не увидѣли женщины. Последнія не знаютъ точно, когда онъ началъ работу на полѣ, но въ ожиданіи его прихода привязываютъ къ ручкѣ одной деревянной ложки небольшую полоску желѣза, обыкновенно служащую для выскребыванія деревянныхъ чашекъ. Хозяйка, сидя въ домѣ, прислушивается, не раздаются ли шаги мужа, прикрикиваетъ на дѣтей и домашнихъ, чтобы они молчали, и посылаетъ дѣвочку смотрѣть, не видно ли приближающагося хозяина. Онъ между тѣмъ подкрадывается, взбѣгаетъ по ступенькамъ лѣстницы, бросаетъ зерна на крышу и убѣгаетъ, стараясь все время остаться незамѣченнымъ. Если это ему удалось, то считается, что въ наступающемъ году онъ будетъ первенствовать въ семьѣ. Если же услышали, и хозяйка успѣла его предупредить, бросивъ на крышу черезъ дымовое отверстіе ложку съ желѣзкой, то мужъ будетъ у нея подъ башмакомъ. Смотрятъ также, какъ ложка упала: если дномъ кверху, то годъ будетъ голодный, если книзу — урожайный.

Окончаніе уборки хлѣба сопровождается очень характерными обычаями. Когда хлѣбъ обмолоченъ и собранъ на гумнѣ въ кучу (называемую по ишкашимски *усі́р*), хозяинъ приноситъ заранѣе приготовленный комокъ помета отъ рогатаго скота (¹⁰ *سرگین گاو*), обноситъ три раза на лопатѣ вокругъ зерна, кладетъ на верхъ *усі́р*'а, и покрываетъ комокъ зерномъ, такъ чтобы его не было видно; оставивъ лопату тутъ же, онъ уходитъ домой ¹¹). Дома онъ объявляетъ, что работы на гумнѣ кончены, и что пора варить *бш* (*آش*), или *бші сі́па* ¹²). Пока идутъ приготовленія къ варкѣ, домохозяинъ разводитъ куреніе (*бӯј*) на приступочкѣ очага, мѣстѣ для этого обычномъ, и держитъ особый деревянный кувшинъ, въ который ему предстоитъ насыпать зерно, отверстіемъ внизъ надъ куреніемъ, такъ чтобы кувшинъ наполнился дымомъ. Заткнувъ затѣмъ горло сосуда мѣшкомъ, онъ несетъ его на гумно,

10) Этотъ (и только этотъ) пометъ быка называется *алвѣ́жук* и получается слѣдующимъ образомъ: на утро Новаго Года, на разсвѣтѣ вводятъ въ домъ быка, изъ числа бывшихъ на пашнѣ, даютъ ему травы съ мукой (*сѣчку*) и ждутъ, пока онъ не испражнится. Хозяинъ беретъ пометъ руками, дѣлаетъ изъ него комокъ, въ которой онъ кладетъ нѣсколько зеренъ ячменя, и комокъ этотъ ставитъ внутри дома на стѣнку, не доходящую до потолка и называемую на мѣстномъ персидскомъ (таджикскомъ) говорѣ *чавш*, или *карсін*, а по ишкашимски *міндал*. Тамъ комокъ засыхаетъ и осенью служитъ для описываемаго обряда.

11) Этотъ обычай соблюдается у Ишкашимцевъ, Ваханцевъ, Зебакцевъ и Сангличцевъ; основаніемъ для него, по словамъ горцевъ, служитъ значеніе навоза въ сельскомъ хозяйствѣ, благодарность за то, что онъ даетъ плодородіе. У Бадахшанцевъ вмѣсто навоза берутъ кусокъ земли и такъ же прячутъ его въ верхней части кучи зерна.

12) *Сі́па*, таджикское названіе кучи зерна на гумнѣ, перешло на кушанье, приготовляемое по случаю конца уборки.

держа подъ мышкой и крѣпко прижимая къ боку, чтобы дымъ не вышелъ. При этомъ передъ нимъ бѣжитъ другой человѣкъ, который кричитъ: ё, ёдам, кынѡра, кынѡра! и тѣмъ заставляетъ сторониться всѣхъ встрѣчныхъ изъ опасенія, что среди нихъ можетъ попасться человѣкъ, приносящій несчастье; конечно могъ-бы, наоборотъ, встрѣтиться и человѣкъ, приносящій счастье, и это считалось бы очень благопріятнымъ обстоятельствомъ, но предпочитаютъ не подвергаться риску дурной встрѣчи. На гумнѣ хозяинъ три раза прикасается краями отверстія сосуда къ тремъ разнымъ мѣстамъ кучи зерна, отъ чего благотѣльная сила куренія¹³⁾, разведеннаго на очагѣ, должна сообщиться зерну. Поставивъ вслѣдъ за этимъ кувшинъ на землю, хозяинъ сначала насыпаетъ въ него три пригоршни зерна, а затѣмъ дополняетъ до верху обычнымъ образомъ, т. е. прислонивъ кувшинъ къ кучѣ. Эту первую насыпку онъ ссыпаетъ на гумнѣ отдѣльно; она предназначена въ пользу лицъ духовнаго сословія и такъ и называется *حق امام*. Потомъ уже онъ начинаетъ перетаскивать свой хлѣбъ домой, въ амбаръ; если хлѣба много, то помогаютъ сосѣди. Хлѣбъ (какъ и вообще всѣ тяжести) переносится на спинѣ, но въ виду малыхъ размѣровъ полей, а, слѣдовательно и урожая, уборка его въ амбарѣ занимаетъ немного времени, и безъ долгой проволочки принимаются за угощеніе, приготовленное для этого случая. Такими же обрядами сопровождается уборка кучи каждаго рода пищевыхъ зерепъ съ гумна: пшеницы, ячменя, гороха, проса; особый почетъ оказывается пшеницѣ: когда очередь доходить до нея, готовится пища лучшаго качества.

Когда всѣ хлѣба убраны съ гумна, хозяинъ дома беретъ метлу, которой подметали гумно, и дѣлаетъ изъ нея куклу, обернувъ ее вывороченной шубой и другими предметами изъ одежды; затѣмъ, взявши сдѣланное имъ чучело на спину, несетъ его домой открыто, не стѣсняясь встрѣчей съ посторонними на дорогѣ. Въ Хуфѣ существуетъ подобный же обычай, но практикуется онъ лишь тогда, когда уже весь хлѣбъ смолотъ на мельницѣ; при перенесеніи куклы въ домъ; Хуфцы стараются избѣгать встрѣчи съ посторонними. Кукла эта называется кампѣрык (старушка — *کمپیر*). При внесеніи ея въ домъ хозяйка кидаетъ ей въ спину мукой (въ знакъ почтенія и расположенія); ее сажаютъ на почетное мѣсто, и хозяинъ говоритъ: «Приготовьте пищу для старушки, да помягче, чтобы была по зубамъ; устала она, работавши на гумнѣ; видите, у нея даже руки скрючило.» Куклу дѣлаютъ, привязавъ палку поперекъ метлы; она изображаетъ плечи старухи, но такъ какъ рукава надѣтаго на палку халата длиннѣе ея самой, то они

13) Разсказчикъ говорилъ: *برکت بوی*.

свѣшиваются съ концовъ, что и служить основаніемъ шутки про скрюченныя руки. Несмотря однако на обѣщаніе хозяина, старуха не участвуетъ въ обѣдѣ; если работу кончили къ вечеру, то во время ужина она стоитъ у стѣны и служить поводомъ для шутокъ и остротъ; если же ее принесли днемъ, то еще задолго до ужина ее развязываютъ и всѣ части ея разбираются по своему прямому назначенію.

Послѣ переноски хлѣба въ амбаръ, приступаютъ къ помолу, причемъ опять-таки соблюдаются нѣкоторые старинные обычаи. Специалистовъ-мельниковъ въ Ишкашимѣ нѣтъ¹⁴⁾, а каждый идетъ на мельницу и самъ мелетъ свой хлѣбъ; вечеромъ того дня, когда онъ приступилъ къ помолу, мелющій разводитъ огонь, кладетъ нѣсколько горячихъ угольевъ на камень и несетъ его къ жолобу, по которому вода течетъ къ мельничному колесу; поставивъ камень подъ жолобомъ, онъ куритъ новой мукой, смѣшанной съ масломъ; куренье это имѣетъ цѣлью умиловить воду, какъ стихію, чтобы она не вредила мельницѣ и хорошо молола. Затѣмъ берутъ немного воды изъ жолоба и, смѣшавъ ее съ новой мукой, мѣсятъ тѣсто, изъ котораго пекутъ одинъ или нѣсколько хлѣбовъ (кумбч), смотря по числу присутствующихъ; когда хлѣбъ испеченъ, его поливаютъ масломъ и дѣлятъ между членами семьи, которые тутъ же сѣдаютъ его; если хозяинъ въ это время отсутствуетъ, то ему обязательно оставляютъ его часть; если же онъ дома, то онъ сѣдаетъ первый изъ приготовленныхъ хлѣбовъ, или начинаетъ ѣсть раньше другихъ, если испеченъ лишь одинъ хлѣбъ, а затѣмъ уже раздаетъ остальное всѣмъ присутствующимъ.

Послѣ помола отсыпаютъ немного муки для домашняго употребленія на нѣкоторое время (она называется піц-хыр, т. е. *پیش خور*), остальную же ссыпаютъ въ амбаръ. Изъ отсыпанной муки устраиваютъ угощеніе и кромѣ того изъ нея же пекутъ особый хлѣбъ, называемый басык, съ четырьмя бугорками (назыв. *گوشه*) на немъ. Послѣ обильнаго угощенія, когда всѣ наѣлись досыта, хозяйка беретъ басык и предлагаетъ его всѣмъ по очереди, обходя сначала стариковъ и кончая ребятишками, причемъ всѣ обязательно отказываются, говоря бас, т. е. «довольно», откуда и названіе самого хлѣба. Обойдя гостей, хозяйка кладетъ ненадолго басык на приступку у очага (тамъ, гдѣ обыкновенно разводятъ куренье), а затѣмъ относитъ въ амбаръ и оставляетъ на стропилахъ, гдѣ его уничтожаютъ мыши. Этотъ обычай существуетъ только въ Ишкашимѣ; въ Ваханѣ его нѣтъ.

Когда отсыпанная для домашнихъ надобностей мука приходитъ къ концу, берутъ изъ амбара новый запасъ, но это можно дѣлать только въ

14) Въ Ишкашимѣ на 100 домовъ 12 мельницъ; за помолъ платятъ определенной частью муки.

четвергъ или въ пятницу. Если мука кончилась за нѣсколько дней до четверга, то предпочитаютъ голодать или питаться чѣмъ-нибудь другимъ, но запаса муки не трогать. Кромѣ Ишкашима, это соблюдается также въ Ваханѣ и въ Зебакѣ.

Окончаніе жатвы вазывается дѳсѳѳѳѳ (داس آويز — вѣшаніе серпа), т. к. серпъ въ этомъ году служить уже не будетъ. Обыкновенно, жнецъ (по большей части хозяинъ), вернувшись домой по окончаніи жатвы, беретъ два серпа и окружаетъ ими, какъ кольцомъ, шею хозяйки; она начинаетъ кричать, что ей страшно, что ее могутъ ранить и т. п.; жнецъ обѣщаетъ выпустить ее за выкупъ, и, послѣ недолгаго спора, обыкновенно, сходятся на угощеніи; тогда хозяйку освобождаютъ. Окончаніе переноски сжатого хлѣба на гумно называется коштѳѳѳѳѳ отъ названія доски (кошт), которую кладутъ на спину и на которой прикрѣпляютъ снопы палкой; кошт тоже набрасываютъ на хозяйку и подобнымъ же образомъ выпускаютъ ее за обѣщаніе угощенія.

Въ Зебакѣ, въ селеніи Бѳрѳѳ (30 домовъ), сохранился слѣдующій обычай. Послѣ того какъ произведены посѣвы, жители этого селенія перестаютъ употреблять желѣзные предметы и не даютъ другимъ пользоваться таковыми, въ убѣжденіи, что если раздастся звукъ отъ удара желѣза о твердый предметъ, непременно наступятъ внезапные преждевременные холода, и урожай погибнетъ. На этомъ основаніи они послѣ посѣва прячутъ всѣ металлическія вещи, такъ что, напр., при поливкѣ и другихъ лѣтнихъ полевыхъ работахъ употребляютъ деревянныя лопаты вмѣсто желѣзныхъ; когда посѣваютъ горохъ и ячмень, ихъ жнутъ не желѣзными, а роговыми серпами (изъ роговъ дикихъ козловъ); точнѣе сказать, этими роговыми серпами не жнутъ, а вырываютъ горохъ и ячмень съ корнями, такъ какъ у этихъ раннихъ хлѣбовъ корни неглубокіе, и при такомъ способѣ жатвы, растенія остаются цѣликомъ въ рукахъ жнеца. Когда подходит время жать пшеницу, то между односельчанами поднимаются пренія: одни жалуются, что ихъ пшеница начинаетъ осыпаться, что пора ее жать, другіе же утверждаютъ, что у нихъ она не поспѣла. Наконецъ рѣшаютъ приступить къ жатвѣ, и тогда всѣ въ одинъ и тотъ же день берутся за работу, на этотъ разъ уже желѣзными серпами, и съ этого дня до новаго посѣва пользование желѣзными предметами разрѣшено; но пока хлѣбъ еще на корню, запретъ строго соблюдается всѣми. Мало того, отъ посѣва до жатвы лошадей угоняютъ въ горы, или, по крайней мѣрѣ, стараются держать ихъ подалѣе отъ полей, такъ какъ онѣ бываютъ иногда подкованы, и желѣзная подкова могла бы звякнуть о камень; а если лошади и не подкованы, то все же на нихъ могутъ быть узды, отъ которыхъ, того гляди, произойдетъ бряцаніе. По этой же причинѣ жители названнаго селенія не пускаютъ къ себѣ

до жатвы верховыхъ. Когда Афганцы овладѣли Зебакомъ, то услышавъ про это повѣріе, ихъ власти рѣшили его уважать; узнали они про него слѣдующимъ образомъ: мѣстный афганскій правитель надумалъ лѣтомъ проѣхать верхомъ по землѣ Горивцевъ; все населеніе высыпало ему навстрѣчу и заявило, что если онъ переѣдетъ черезъ ихъ границу, они бросятъ селеніе и уйдутъ, такъ какъ холодъ неминуемо уничтожитъ посѣвы, и имъ нечего будетъ ѣсть; Афганцы повернули обратно и оставили ихъ въ покоѣ. Повѣріе это существуетъ въ одномъ только селеніи Бѣрѣв.

5) Счетъ времени, Новый Годъ, праздники, охота, игры, разскащики, болѣзни и ихъ леченіе.

Счетъ временамъ года и мѣсяцамъ ведется по солнцу, т. е. по тому, въ какой точкѣ окрестныхъ горъ солнце встаетъ и закатывается въ тотъ или другой періодъ года; введеніе этого счета приписывается Нѣсір-Хасраву. Кромѣ того, почти въ каждомъ домѣ есть отмѣтки на стѣнѣ, до той или другой изъ которыхъ доходитъ въ разное время солнечный лучъ, проникающій черезъ дымовое отверстіе въ крышѣ (روزن — по ишканимски рѣзън). Такъ, напр., часто встрѣчается отмѣтка на томъ мѣстѣ, куда лучъ доходитъ при наступленіи Новаго Года. Такія опредѣленные мѣста, какъ въ домѣ, такъ и въ горахъ, служащія точками провѣрки времени года, называются آفتاب نشان. Кромѣ счета по нимъ существуетъ также счетъ на части человѣческаго тѣла, какъ въ Шугнанѣ, хотя тамъ онъ болѣе распространенъ, нежели въ Ишканимѣ и Ваханѣ; по этому счету, начиная отъ Новаго Года, извѣстное число дней соотвѣтствуетъ разнымъ частямъ ногъ, туловища, груди, шеи и головы. Въ году считается 365 дней; изъ нихъ на три мѣсяца весны приходится 94, — лѣта 93, — осени и зимы по 89; мѣсяцевъ двѣнадцать, Новый Годъ справляютъ весной.

На бухарскомъ берегу Пянджа, въ селеніяхъ Рынд и Наматгит, населенныхъ Ишканимцами (хотя въ Наматгитѣ, лежащемъ на границѣ Вахана, говорятъ по вахански), въ прежнее время, т. е. до послѣдняго русско-афганскаго разграниченія, соблюдался слѣдующій обычай: когда наступалъ Новый Годъ, то впродолженіи недѣли жители этихъ двухъ селеній сами не ходили въ другія села и не пускали никого изъ постороннихъ къ себѣ; по истеченіи семи дней одинъ человѣкъ обходилъ всѣ дома и въ каждомъ читалъ молитвы; человѣка этого называли сѣзѣбѣрі. Послѣ его обхода селеніе считалось открытымъ для сношеній съ окружающими. Съ расположеніемъ въ бухарскихъ предѣлахъ Западныхъ Памирскихъ постовъ, обычай этотъ не оказалось возможнымъ соблюдать съ прежней строгостью, такъ

какъ Рынд и Наматгыт стоятъ на дорогѣ, соединяющей русскіе посты, и Таджикиамъ нельзя было прекратить по ней движеніе. Въ селеніи Хірмані на другой день послѣ празднованія Новаго Года на разсвѣтѣ, до перваго намаза, вводятъ въ домъ осла или барана и даютъ ему ячменя; въ Зебакѣ осла вводятъ въ день Новаго Года въ полдень. До этого постороннихъ въ домъ не пускаютъ, а послѣ ввода осла всѣ ходятъ другъ къ другу съ поздравленіями, говоря при входѣ: шѳгуні боѳр мубѳрак бѳшад¹⁵⁾, и затѣмъ читаютъ молитву, встрѣчая гостей, имъ кидаютъ въ спину мукой.

Въ Ваханѣ этотъ обычай сохранился полнѣе. Въ ночь послѣ празднованія Новаго Года, передъ разсвѣтомъ, въ каждомъ домѣ кто-нибудь встаетъ, выводитъ изъ конюшни осла и верхомъ на немъ въѣзжаетъ къ себѣ въ домъ на разсвѣтѣ; человѣка этого въ данномъ случаѣ также называютъ сѳзвѳрі. До его пріѣзда никто изъ дома не выходитъ. Подѣхавъ къ дому, онъ стучитъ въ дверь и кричитъ: «я привезъ счастье Ишкашима, привезъ счастье Зебака, привезъ счастье Шугнана, Бадахшана, отворите двери! Лурд, лурд, лурд!» (далваті Шікѳшім вѳзом дај и т. д.). Ему отворяютъ дверь, и онъ въѣзжаетъ въ домъ на ослѣ, приговаривая три раза «лурд»¹⁶⁾, затѣмъ говоритъ: «шѳгуні боѳр мубѳрак бѳшад», слѣзаетъ съ осла и прочитываетъ молитву; оселъ же ѣсть заранѣе приготовленный для него ячмень. По прочтеніи молитвы, сѳзвѳрі принимаетъ какое-нибудь незначительное подношеніе и ведетъ осла обратно на конюшню. Съ утра кануна и до введенія осла постороннихъ въ домъ не пускаютъ.

Въ Ишкашимѣ при наступленіи Новаго Года идутъ приготовленія къ празднику. Въ послѣднюю ночь стараго года не оставляютъ въ домѣ никого изъ постороннихъ; на разсвѣтѣ, когда еще темно, домохозяинъ беретъ хлѣбъ, испеченный въ лепешку, кладетъ его за пазуху и, захвативъ войлокъ или небольшой палась, баранью шкуру или что-нибудь похожее на одинъ изъ этихъ предметовъ, выходитъ, стараясь не идти противъ извѣстной звѣзды, приносящей несчастье, и не глядѣть на нее; само собою разумѣется, ему приходится заранѣе изучить и обдумать, какимъ способомъ ему избѣжать злого вліянія звѣзды. Выйдя изъ дому, онъ бросаетъ взятый имъ войлокъ или шкуру на дерево или на заборъ, а самъ идетъ наломать немного тростника, который онъ приноситъ съ собой обратно въ домъ. Этотъ обычай свято соблюдается какъ въ Ишкашимѣ, такъ и въ Ваханѣ. По возвращеніи хозяина домой, крошатъ хлѣбъ, бывшій у него за пазухой, въ чашку съ молокомъ, и онъ наѣдается этимъ кушаньемъ до-сыта. Дѣлается это въ

15) «Да будетъ благословенъ праздникъ весны».

16) Въ настоящее время, повидимому, это слово не сохранило прежняго значенія; не названіе ли это какого-нибудь древняго божества?

знакъ того, что наступающій годъ долженъ быть «сытный» (سير), обильный, урожайный. Изъ принесеннаго главой семьи тростника дѣлаютъ четыре вѣ-ника, которыми женщины счищаютъ копотъ со стѣнъ. При этомъ суще-ствуетъ примѣта: если одна или нѣсколько тростинокъ застрянутъ во время работы въ потолокъ, то у хозяина должно родиться много хлѣба; если въ стѣнѣ надъ очагомъ, то въ наступающемъ году женщины будутъ добывать много масла изъ молока своего скота.

Когда очистка кончена, женщины спрашиваютъ, наступилъ ли часъ, когда нужно выносить сажу и пыль, которыя онѣ сгребли. При утврди-тельномъ отвѣтѣ одна изъ женщинъ беретъ корзинку съ копотью подъ мышку и, накрывши голову халатомъ, чтобы не увидѣть солнца, выносить соръ подальше отъ дома, высыпаетъ его и возвращается обратно все еще съ покрытой головой; потомъ двѣ женщины приступаютъ къ обсыпкѣ стѣнъ мукой, что дѣлается либо особымъ вѣникомъ, либо прикладывая руку сна-чала къ мукѣ, потомъ къ стѣнѣ; этотъ обычай имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ обсыпаніе мукой почетныхъ гостей, т. е. имъ выражается почтительное привѣтствіе Новому Году.

Пока идетъ чистка стѣнъ, въ очагѣ, накрытомъ сверху, чтобы не по-пала туда сажка, печется особый хлѣбъ, называемый шогун-кумоч¹⁷⁾. Тѣсто мѣсятъ на маслѣ безъ солода, а испеченный хлѣбъ имѣетъ видъ большого круга, пальца въ 4 толщины. Въ хлѣбы меньшаго размѣра кладется со-лодь, называемый сыманык; готовится онъ изъ пшеницы, которую держать въ водѣ 4—5 дней, пока она не проростетъ; ее затѣмъ вынимаютъ, сушатъ и мелютъ. Когда шогун-кумочъ готовъ, и въ домѣ все убрано, двое мужчинъ садятся у двухъ противоположныхъ стѣнъ комнаты и катаютъ хлѣбъ другъ къ другу по три раза (для этого, вѣроятно, хлѣбъ и печется такой толщины, чтобы могъ катиться, не падая плашмя). Затѣмъ хлѣбъ этотъ рѣжутъ на кусочки, даютъ по кусочку присутствующимъ, а также всѣмъ тѣмъ, кто входитъ въ этотъ день въ домъ изъ родныхъ, и разсы-лаютъ также по кусочку своимъ родственникамъ, которые отдариваютъ тѣмъ-же.

Такъ-же какъ въ Новый Годъ, не оставляютъ въ домѣ никого изъ посто-роннихъ и въ первый день мѣсяца Амсѣя (همسایه — первый мѣсяцъ послѣ Сафара, ربيع الاول, считающійся его «сосѣдомъ»). Обычай этотъ существуетъ въ Ишкашимѣ, но не въ Ваханѣ; однако, въ обѣихъ странахъ въ этотъ день никому не даютъ огня изъ дома на сторону. Можетъ быть, этотъ обычай составляетъ пережитокъ древняго культа огня на домашнемъ очагѣ.

17) У Ишкашимцевъ печется одинъ хлѣбъ большого діаметра, у Ваханцевъ нѣсколько хлѣбовъ поменьше.

ревка оборвется, человекъ, привязанный къ ней, разобьется до смерти; поэтому существуетъ обычай отбирать у него заранее ножъ или шило, словомъ, все то, чѣмъ онъ могъ бы перерѣзать веревку, ибо бывали случаи, когда охотникъ, спустившись такимъ образомъ по воздуху и добравшись до уступа скалы, перерѣзывалъ веревку отъ страха снова висѣть надъ пропастью и этимъ обрекалъ себя на неизбежную голодную смерть.

Кромѣ Новаго Года въ Ишкашимѣ празднуютъ Курбанъ и Рамазанъ. Въ эти праздники ребятишки красятъ яйца, играютъ и бьютъ ихъ одно объ другое; играютъ тоже и не крашенными. Окрашиваютъ ихъ большей частью въ красный цвѣтъ. Бьютъ ихъ другъ о друга, держа въ рукахъ, а также скатывая по желобку. Старики въ эти два праздника ходятъ съ поздравленіями къ знатымъ лицамъ (напр. въ старое время къ «миру») и подносятъ имъ по нѣскольکو яицъ (5 — 20); кромѣ яицъ въ эти дни ничего не подносятъ. Въ Новый Годъ также ходятъ съ поздравленіями, но ничего не дарятъ (кое-кто иногда хлѣбъ).

Во время упомянутыхъ праздниковъ, а также въ Новый Годъ пекутъ блины (называемые по вахански ра'хивъ. Для этого готовятъ въ чашкѣ жидкое тѣсто изъ муки, молока и масла; раскаливъ большой, плоскій, тонкій камень, лютъ на него масло, а затѣмъ и приготовленное тѣсто, черпая его изъ чашки ложкой. Когда одна сторона блина испечена, его переворачиваютъ на другую. Подаютъ блины горкой (какъ «листы книги», говорилъ рассказчикъ), на деревянномъ блюдѣ, обливъ ихъ предварительно масломъ.

Въ Ваханѣ, также какъ и въ Ишкашимѣ, послѣ Новаго Года предназначениемъ на наступающій годъ служить характеръ дѣтскихъ игръ: если малыя дѣти ѣздятъ верхомъ на палкахъ или играютъ въ войну, то это значитъ, что предстоящій годъ будетъ безпокойный, будутъ походы, битвы. Если же ребятишки занимаются копаніемъ канавокъ и забавляются играми земледѣльческаго характера, то это считается примѣтой мирной жизни и земледѣльческихъ работъ на наступающее время.

Въ Ишкашимѣ есть цѣлый рядъ дѣтскихъ игръ, въ которыя играютъ опредѣленнымъ порядкомъ съ опредѣленными словами:

а) *Волки и овцы*—гыргык-ббзі (собственно «игра въ волченка») то-же, что у насъ «коршунъ». Играющіе становятся другъ за другомъ въ вереницу и держатся другъ за друга, при чемъ первый называется «пастухомъ» (чѹ-пѹн) и долженъ защищать своихъ овецъ, отбивая нападенія «волка» на нихъ. Передъ началомъ борьбы волкъ указываетъ поочередно на окружающія горы и проситъ пастуха дать ему одну изъ нихъ (т. е. для права ловли), говоря по таджикски: *ӯ кӯ* (т. е. *آن کوه*) «ту гору»; пастухъ каждый разъ отвѣчаетъ *намедім* (نمیدهم), «не дамъ», послѣ чего волкъ начинаетъ нападать. Въ рукахъ у пастуха жгутъ, которымъ онъ бьетъ волка, но все же, по

большей части, волкъ по одной перетаскиваетъ у него его овецъ. Пока не дошло дѣло до послѣдняго игрока, всѣ взятыя волкомъ «овцы» сидятъ въ его «домѣ», вертятъ руками, подражая работѣ на прялкѣ (جرج فلك), и приговариваютъ: гѣцым, гѣцым, ўрк-бо кафан гóхым, т. е. «пряду, пряду, дѣлаю саванъ волку»¹⁹⁾. Когда за пастухомъ остался всего одинъ играющій, пастухъ говоритъ ему, что у него что-то чешется въ головѣ, и кладетъ ему голову на колѣни, прося посмотреѣть, въ чемъ дѣло. Въ это время волкъ похищаетъ и этого послѣдняго. Тогда пастухъ, прыгая на одной ногѣ, идетъ къ «дому» волка и говоритъ: У меня пропалъ внучекъ; не видѣли ли вы его? «Твоего внучка»? спрашиваетъ волкъ. «Да». «Да, я его видѣлъ въ такомъ-то мѣстѣ», (называя одно изъ окрестныхъ селеній). Пастухъ, все еще прыгая на одной ногѣ, отправляется за камешкомъ, приносить его и говоритъ, что онъ ходилъ въ это селеніе, нашелъ камешекъ, а внучка не видѣлъ. Волкъ посылаетъ его въ другое селеніе и т. д., пока пастухъ не принесетъ столько же камешковъ, сколько въ игрѣ «овецъ». Все это время «внучекъ» лежитъ спрятанный подъ халатомъ среди овецъ. Когда всѣ камни принесены, волкъ начинаетъ подносить по камешку каждой овцѣ и внучку. Каждый плюетъ на камешекъ, а волкъ, взявши клочекъ ваты изъ подъ подкладки его халата или волосъ съ головы, приклеиваетъ этой слюной вату или волосъ къ камешку и отбрасываетъ въ сторону, говоря: «это ослиная моча изъ такого-то селенія» (называя то селеніе, откуда камешекъ яко-бы принесенъ). Когда очередь доходитъ до внучка, то камень съ его волосомъ волкъ показываетъ пастуху. «Ахъ, это волосъ моего внучка, я его узнаю», говоритъ пастухъ. Внучку нахлобучиваютъ шапку и выводятъ его; пастухъ бѣгаетъ вокругъ него, крича: «о, мой внучекъ!» (waј мын нывыс!). Неподалеку вбить въ землю деревянный колышекъ, часть котораго торчитъ наружу. Волкъ таскаетъ овецъ къ этому мѣсту и поочередно бросаетъ ихъ на этотъ колышекъ. Когда онъ всѣхъ (въ томъ числѣ и внучка) бросилъ на колышекъ, игра начинается снова.

б) Чижъ—лаш. Кладутъ на землю коротенькую палочку, заостренную съ обоихъ концовъ и называемую лаш. Играющіе раздѣляются на два лагеря, изъ коихъ одинъ бьетъ болѣе длинной палочкой по одному изъ концовъ чижа, чтобы поднять его на воздухъ и сильнымъ ударомъ отбросить далеко въ сторону. Когда чижъ такимъ образомъ отлетѣлъ, очередной изъ противоположнаго лагеря долженъ бѣжать за нимъ и принести его обратно, крича все время зѹѹѹ.... и не переводя дыханія, что провѣряется однимъ изъ противниковъ, послѣдній для этого бѣжить за нимъ и прислушивается

19) Въ Горонѣ и въ персидскомъ селеніи Турбаш ребятишки говорятъ эту фразу персидски: мѣрісім, мѣрісім, ба гѹрѓ кафан мѣкынім.

26. IV. / 9. V. 1908.

къ его голосу. Если чиждъ принесенъ правильно, то очередь переходитъ къ слѣдующему; если же у бѣжавшаго за нимъ не хватило дыханія, и онъ перервалъ свой крикъ, то чижа закапываютъ въ землю такъ, чтобы торчалъ только одинъ его конецъ. Тогда игрокъ, ударившій передъ тѣмъ по чижу, садится верхомъ на того, кому не удалось правильно его принести, и, кружась на немъ вокругъ чижа, бьетъ торчащій изъ земли конецъ палкой. Если онъ ударомъ выбиваетъ чиждъ наружу, то снова играетъ онъ; если нѣтъ, то игра идетъ дальше. Собственно, эта часть съ крикомъ зѹѹ... заключаетъ игру; до этого кидаютъ отбитымъ чижомъ въ другую палку, положенную на землю, и продѣлываютъ разные другіе номера (подробное описаніе которыхъ имѣется въ матеріалахъ по долинь Хуфъ). Основная мысль игры та, что сначала покупаютъ лошадь, потомъ постепенно уборъ къ ней, т. е. попону, подпругу, узду, сѣдло и т. д.²⁰⁾ Когда лошадь съ сбруей готова, устраиваютъ мајдѡн-пѡк (میدان پاک), т. е. пробѣгъ лошади, что и составляетъ описанную въ началѣ часть игры.

в) *Игра въ камни* — лапар-бѡзі. Берутъ плоскіе, круглые камни и, раздѣлясь на два лагеря, бросаютъ поочередно камни въ небольшой камешекъ, называемый чѡлѡизъ, съ извѣстнаго разстоянія; каждый старается бросить свой камень такъ, чтобы онъ легъ какъ можно ближе къ чильгизу, но не на него, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ игрока называютъ мѡдѡргѡј (любовникъ своей матери), и игра начинается съ начала. Когда всѣ бросили свои камни (лапар), измѣряютъ, чей камень ближе; дѣлается это, приставляя ступню къ ступнѣ. Побѣдитель ударами своего камня отстраняетъ камни остальныхъ, затѣмъ отбрасываетъ тѣмъ же способомъ чильгизъ въ сторону; при этомъ опять измѣряютъ числомъ ступней, на какое разстояніе отлетѣлъ камешекъ. Въ теченіи всей игры послѣ промаха играетъ слѣдующій игрокъ. Когда наконецъ кто-нибудь изъ игроковъ успѣлъ сыграть такъ, что при счетѣ оказалось заранѣе условленное число ступней, то онъ садится верхомъ на противника изъ другого лагеря. На мѣстѣ, гдѣ отъ послѣдняго удара упалъ чильгизъ, складываютъ въ груды большіе камни, служившіе для игры; побѣдитель, сидя на спинѣ проигравшаго, закрываетъ ему глаза руками, а проигравшій долженъ такимъ образомъ пройти отъ того мѣста, гдѣ игра началась, и разбросать груды камней ногой.

г) *Игра въ козонки отъ бараньихъ ногъ* — бѡрѹл. Это та-же игра, которая встрѣчается и въ Россіи; въ Туркестанѣ ее нановаютъ ашѡк или «ашѡчки» (среди русскихъ).

20) Причемъ пріобрѣтеніе каждаго предмета изображается продѣлываніемъ того или другого осложненія въ выбиваніи чижа.

д) *Мячъ* — пут. Его дѣлають изъ шерсти; играютъ въ него, по большей части, дѣвушки на гумнѣ.

Какъ всюду, въ Ишкашимѣ и сосѣднихъ съ нимъ странахъ народъ любитъ сказочниковъ. Знаніемъ сказокъ особенно славятся жители селенія Тангъ (تنگ) въ верхнемъ Ваханѣ, а въ Зебакѣ жители селенія Бѣз-гѣр (بازگیر), извѣстные также, какъ охотники за птицами, наравнѣ съ жителями селенія صیاد въ Ишкашимѣ. Въ афганскомъ Ваханѣ, въ крѣпости Панѣа (قلعه پنجه), проживаетъ нѣкій Худѣ-Бахш (خدا بخش), родомъ изъ Тангъ'а, славящійся какъ рассказчикъ. Про него говорятъ, что, начиная сказку съ вечера, онъ къ утру доводитъ ее до половины и продолжаетъ въ слѣдующую ночь. Его призываютъ, когда въ домѣ гости, чтобы онъ ихъ развлекалъ. Обыкновенно, онъ говоритъ по вахански, но когда гость Ишкашимецъ или Зебакецъ, не понимающій его языка, то онъ переходитъ на таджикскій. Теперь онъ уже старъ, хромъ, ходить не можетъ, а только ѣздитъ верхомъ; зубы у него всѣ цѣлы и говоритъ онъ, по отзывамъ слышавшихъ его, отчетливо.

Весной и осенью больные Ишкашимцы и Ваханцы отправляются лечиться на горячіе ключи, называемые Чашмá-i-Дамчѣн и находящіеся на правомъ берегу Пянджа, въ Ваханѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Ишкашима. Тамъ больные купаются.

Въ зиму 1900—01 гг. въ Зебакѣ появилась чума. Въ селеніяхъ: Сышымол, Азрок, Зархѣн, Шингук, Бѣзгѣр, Ретхуд, Даштхон и Іскітул вымерло много народу, въ четырехъ послѣднихъ — больше половины жителей. Эпидемія продолжалась около 6 мѣсяцевъ.

Ишкашимцы и Ваханцы придають большое значеніе цѣлительной силѣ обхвѣтъ цѣломудренной или нравственной женщины. Напримѣръ, когда лошадь захвораетъ и перестанетъ мочиться, разыскиваютъ такую женщину, и она, обнявши животное, проводитъ три раза руками отъ головы до хвоста, потомъ, спрятавъ руку въ рукавъ, дотрогивается ею черезъ матерію три раза до половыхъ органовъ лошади и послѣ каждаго раза касается этой рукой до земли. Это дѣлается не на людяхъ, но разъ женщина уже упрочила за собой репутацію цѣлительницы, то она лечитъ этимъ способомъ и въ присутствіи другихъ. То же леченіе продѣлывается и надъ мальчикомъ, если у него перестанетъ идти моча.

6) Небесныя свѣтила, клятвы, сны, остатки прежнихъ религіозныхъ обрядовъ.

Солнечное затменіе называется ра́музон наѣ, т. е. «солнце взяли» (آفتاب را گرفتند), также и лунное — ма́тѣбон наѣ, «взяли луну» (ماه تاب را گرفتند). Затменія объясняются попытками дивовъ, называемыхъ лѣу

(во множ. ч. *le wō*) схватить и унести свѣтила; грѣхи людей даютъ имъ возможность это сдѣлать. По другому объясненію, затменія происходятъ отъ того, что женскіе волосы попали въ огонь; это считается большимъ грѣхомъ. При каждомъ затменіи на народъ нападаетъ паническій страхъ: женщины плачутъ, муллы выкрикиваютъ азанъ, читаютъ коранъ и произносятъ заклинанія. Если у кого есть мѣдные тазы, то всѣ, какъ женщины, такъ и мужчины, бьютъ въ нихъ, надѣясь спугнуть дивовъ. — Рѣжутъ также въ жертву барановъ. Нѣкоторыя женщины даютъ во время затменія обѣтъ приготовить бат, въ случаѣ благополучнаго исхода знаменія, и вслѣдъ за тѣмъ варятъ это кушанье.

Солнце называется великимъ *بزرك*. Имъ клянутся, говоря въ Ишкашимѣ: *сáрі Рѣмузд*, въ Ваханѣ: *сáрі ір* ²¹⁾. Жители Горона, а также жители селенія Турбат, говорящіе и тѣ, и другіе по персидски, говорятъ *سر آفتاب*. Клятва эта считается очень сильной, и народъ вѣритъ, что нарушившій клятву или давшій ее ложно будетъ наказанъ солнцемъ.

Клястись именемъ Бога избѣгаютъ, кромѣ какъ въ особенно важныхъ случаяхъ, и то такъ клянутся только мужчины, но не женщины (въ Ваханѣ). Всего чаще и мужчины, и женщины клянутся именемъ близкихъ родныхъ: отца, брата, дяди, но не матери, сестры или тетки. Матерью клянутся только дѣвушки, у которыхъ отецъ померъ, а другихъ родныхъ подходящихъ степеней родства нѣтъ. Сыновья же даже въ такомъ случаѣ не клянутся матерью.

Названія для звѣздъ и созвѣздій употребляются въ Ишкашимѣ персидскія, т. е. общія съ тѣми, которыя имъ даютъ остальные Таджики: млечный путь называется *کوچۀ کهکشان*. Большая медвѣдица — *هفت دایران*, Плеяды — *پروین*; какія то двѣ звѣзды, близкія другъ къ другу (Близнецы?) — *لیلی و مجنون*; какая то яркая звѣзда, появляющаяся осенью, *ستارۀ سرد*.

Громъ въ Ишкашимѣ и Ваханѣ приписывается старухѣ, живущей на небѣ, которая отъ времени до времени вытряхиваетъ свои исподніе шаровары; про гулъ грома говорятъ: кампіракъ хâ wōл тухду («старуха вытряхиваетъ свои исподніе шаровары», *کپیړک ازار خود را نغ زد* ²²⁾).

21) Упомянутое о *золотѣ* солнца, м. б., указываетъ на антропоморфическое представленіе о немъ. (Сравни. клятву солнцемъ, данную Томирисой Киру, у Геродота).

22) Среди тюркскихъ племенъ сохранились слѣды древняго представленія о божествѣ грома также въ видѣ старухи, но вытряхивающей кожаный мѣхъ. Въ Туркестанскомъ краѣ можно иногда видѣть маленькихъ ребятишекъ, убѣгающихъ въ волненіи отъ услышаннаго раската грома и кричащихъ: *ماما ساناجینی قادی* — «бабушка вытряхнула свой кожаный мѣшокъ».

Снамъ придается большое значеніе. Иногда, проснувшись послѣ сновидѣнія, человѣкъ варитъ бѣцъ или раздаетъ хлѣбъ. Названіе бѣцъ носитъ особое кушанье, имѣющее отношеніе къ духамъ предковъ, а также къ высшимъ духамъ. Бѣцъ раздается всѣмъ окружающимъ и даже, если его варитъ зажиточный человѣкъ, на это угощеніе сзываются гости изъ окрестныхъ селеній. Для того, чтобы предотвратить бѣду, предсказанную дурнымъ сномъ, или же иногда въ надеждѣ увидать хорошій сонъ, люди состоятельные рѣжутъ какое-нибудь животное.

Существуетъ повѣріе, что если женщина не можетъ запоминать своихъ сновъ (خوابش بدر میشود) (т. е. по просту, спитъ крѣпко, безъ сновидѣній), а ей хотѣлось бы ихъ запомнить (считается же это очень желательнымъ), то ей надо попросить человѣка, занятаго въ это время помолоть своего хлѣба, чтобы онъ сдѣлалъ для нея кумбъч. Тотъ долженъ встать на разсвѣтѣ, взять воды изъ мельничнаго желоба, замѣсить тѣсто и испечь булочку, которую женщина и съѣдаетъ.

Ложась спать, жители Ишкашима и сосѣднихъ странъ раздѣваются почти до-нага. Иногда оставляютъ исподніе шаровары, но и это нельзя считать общепринятымъ обычаемъ; въ нихъ спятъ обыкновенно женщины; замужныя однако ложатся часто безъ нихъ.

Куреніе благовоній (въ ритуальномъ смыслѣ) бываетъ двухъ родовъ (въ Ишкашимѣ, Зебакѣ и Ваханѣ). Для одного готовится смѣсь изъ отрубей и масла; имъ курятъ во всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся случаяхъ жизни (при туѣ, окончаніи уборки хлѣба и т. п.). Другое же зажигается для отогнанія или умиловленія духовъ. Для выдѣлки этого второго куренія берутъ стебли дикаго горнаго лука, раздробляютъ ихъ камнями, сушатъ и скатываютъ получившуюся массу въ шарики, которые нанизываютъ на нитку. Когда этотъ мятый лукъ совсѣмъ высохнетъ, его смѣшиваютъ на маслѣ съ отрубями и сѣменами растенія іспандъ.

7) Произведенія страны, промыслы, торговля и т. д.

Въ Ишкашимѣ водятся дикія пчелы; въ ихъ ульяхъ, небольшихъ по размѣрамъ, бываетъ иногда медъ. Замѣтивъ такой улей, горецъ, желающій полакомиться медомъ, схватываетъ соты, накрывшись съ головой халатомъ, и пускается бѣжать, преслѣдуемый пчелами. Когда пчелы отстали, онъ разсматриваетъ свою добычу; если соты съ медомъ, онъ его съѣдаетъ; если же пустые, то онъ хранитъ ихъ покуда не встрѣтится въ нихъ надобность; а именно, когда въ домѣ изготовленъ кусокъ матеріи или сшитъ новый халатъ домашняго производства, то, прежде чѣмъ отнести его на базаръ,

раскладывают костеръ, въ который кладутъ пустые соты, и надъ дымомъ этого костра держать назначенную къ продажѣ ткань. Существуетъ повѣріе, что тогда покупатели, какъ пчелы, набросятся на товаръ и будутъ перебивать его другъ у друга, надбавляя цѣну. Этотъ обычай кромѣ Ишкашима существуетъ и въ Горонѣ.

Медъ, обыкновенно, получается отъ Зебакцевъ, народа сравнительно болѣе промышленнаго и торговаго, чѣмъ ихъ сосѣди. Зебакцы, въ свою очередь, достаютъ медъ отъ Кафировъ и Читральцевъ, занимающихся пчеловодствомъ; ульи у этихъ племенъ дѣлаются изъ глины. Зебакцы занимаются приготовленіемъ пороха, а также, совместно съ Сангличцами, продаютъ окрестнымъ жителямъ сѣру и фитили. Въ Зебакѣ же добываютъ въ руслахъ рѣчекъ (преимущественно Каж-Дара) кусочки свинца и, переплавивъ ихъ, продаютъ сосѣдямъ. Въ Читралѣ Зебакцы носятъ (на своихъ спинахъ) продавать чугунные котлы и соль; послѣднюю носятъ также и къ Кафирамъ-Сіопушамъ. Изъ Читрала получаютъ матеріи, изъ Кафиристана — рогатый скотъ и шерстяныя издѣлія (знаменитыя одѣяла); отъ Ваханцевъ и Ишкашимцевъ покупаютъ козъ, которыя перепродаютъ Кафирамъ.

Въ Зебакѣ есть одно селеніе, Сѣтѣч (15—16 домовъ), жители котораго занимаются гончарнымъ дѣломъ; въ другихъ, окрестныхъ селеніяхъ съ этой отраслью промышленности совсѣмъ не знакомы. Посуду свою жители Сѣтѣч'а развозятъ сами и вымѣниваютъ на хлѣбъ; покупатель долженъ наполнить покупаемый сосудъ зерномъ, каковое и высыпается продавцу, а посуду беретъ покупатель. Горцы увѣряютъ, что, несмотря на колебанія цѣнъ на хлѣбъ, соотношеніе между стоимостью его и стоимостью посуды остается неизмѣннымъ. Жители этого селенія, повидимому, взялись за гончарное дѣло, вслѣдствіе невозможности орошать свои поля за недостаткомъ воды: *ايشان بشار گم آب است* говорилъ разскащикъ. На обжиганіе глиняныхъ издѣлій берутъ особую траву, называемую по зебакски пѣт, о которой было уже упомянуто.

Про рубины, издавна вывозимые съ верхняго теченія Пянджа, существуетъ старинная поговорка: *سر لعل یمچون دل لعل سچون پای لعل غاران*, т. е. «голова рубиновъ Јамчун (ваханское произношеніе), сердце — Сумчун, нога — Ырбѣн». Несмотря, однако, на поговорку, въ настоящее время по большей части забыли тѣ мѣста, гдѣ были залежи рубиновъ; въ Сумчун'ѣ²³⁾ по-

23) Сумчун — не селеніе, а *دهقان خانه* т. е. урочище, гдѣ есть посѣвы, но нѣтъ домовъ.

казываютъ бѣлѣющія на большой высотѣ осыпи, якобы отвалы старинныхъ копей; и только въ Горонѣ, въ мѣстности *كوه لعل*, туземцы достовѣрно знаютъ, что изъ пещеры, виднѣющейся высоко на склонѣ горы, добывались рубины еще въ XIX-мъ вѣкѣ. Съ этимъ мѣстомъ связана легенда про дракона, который стережетъ хранящіеся въ пещерѣ драгоцѣнные камни.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Названія селеній въ Ваханѣ и Ишкашимѣ.

I. На Бухарской территоріи.

1. Ваханъ.

Ишкашимское произношеніе: не записано.

Ваханское произношеніе: лаңгари-киън — һисѡр (2 дома) — зуңг —

Ишк. зыгвынд — шургін — дүрің — нѣжгар — выраңг — выныкут —

Вах. зыгванд — шургін — дырің — нѣжгар (2 дома) — выраңг — вынукут —

Ишк. јамг — јамчүн — пытуп — зумыдк — шутхарв — даршај — *тѡк-

Вах. јамг — јамчүн — пытуп — зумыдк — шѡтхарв¹⁾ — даршај — тѡк-

Ишк. хѡна²⁾ — раманіт — вуддіт — наmatгыт³⁾ —

Вах. хѡна — раманіт — wідіт (2 дома) — наmatгут (14 домовъ) —

Ишк. пѣсравѡн³⁾ —

Вах. пырхырав (2 дома) —

2. Ишкашимъ.

Ишк. рын⁴⁾ — нүд⁵⁾ — *апхарв — *сүмпін —

Вах. ран (15 домовъ) — над (11 домовъ) — апхарв — сүмпін —

Ишк. јáхшіwѡл⁵⁾ — мыlwѡц⁵⁾ — áвыц⁵⁾ — *сүтац —

Вах. јáхшіwѡл (2 дома) — мыlwѡц (3 дома) — áвуц (1 домъ) — сүтац —



II. На афганской территории.

1. Ваханъ.

Вах. сáри-сарһад ⁶⁾ — сōст — кóркұт — ч́лканд — пítхы́х — íсík — н́сёр —

Вах. шү́харв — нýштхарв — рaһчóун — jūr — рúруңг — кырыт —

Вах. кызгыт — п́тír — саргаз — ќпкұт — мōрабар — шōлк — в́уст —

Вах. wүзед — саст — афгарч — гóзхұн — пыр́п — панца — пағн —

Ишк. пы́кұj — íшмүрҭ — хандүт — jамít — пыѓш — не записано —

Вах. пы́кұj — íшмүрҭ — х́ндүт — jамít — п́гш — *кашкандев ⁷⁾ —

Ишк. wүргынд — дүгыргынд — wыруп — сары́-шү́харв — лаңгар —

Вах. wүргынд ⁷⁾ — д́гáргынд ⁷⁾ — *wүрунн — сар́-шү́харв (1 д.) — лаңгар —

Ишк. шү́харв — кышн́хōн — кыбүт — варк — ш́трүҭ — kōзі-дē —

Вах. шү́харв — кышн́хōн — *кыбыт — варк — ш́трыг — kōзі-дē —

Ишк. выждрүҭ — пытүр — íруҭ —

Вах. выждрыг (1 домъ) — пы́тыр — *íруҭ —

2. Ишканимъ.

Ишк. шēхц ⁸⁾ — х́рманí — бōшүнд — бōзōр —

Вах. шехц (7 д.) — х́рманí (10 д.) — бōшанд (2 д.) — бōзōр (2 д.) —

Ишк. тáрēв — òнгардē — пáстwōл — хүшпōк —

Вах. тáрēв (4 д.) — òнгардē (13 д.) — пáстwōл (2 д.) — хүшпōк (4 д.) —

Ишк. óштырук — турбат ⁹⁾ — ч́wуcōст ¹⁰⁾ — wуcōст —

Вах. óштырык (2 д.) — турбат (20 д.) — чутwíсōст (1 д.) — wíсōст (3 д.) —

Ишк. кы́рхōн — ш́кēң — бōhōр — рēварíч ¹¹⁾ — чүшхōн ¹²⁾ —

Вах. күлххōн (1 д.) — *ш́кēң — б́hōр (4 д.) — рēварíч (4 д.) — ч́шхōн (8 д.) —

Ишк. kōзі-дē — заргарōн — дōрwan — чōкар —

Вах. kōзі-дē (6 д.) — заргарōн (7 д.) — дōрwan (7 д.) — *чōкар —

Ишк. кындыкод ¹³⁾ — сájōд ¹³⁾ — м́jōнкор ¹⁴⁾ — каңгырак —

Вах. кындыкод (4 д.) — сájjōд (5 д.) — *м́jōнкол — каңгарак (1 д.) —

Ишк. сы́күмүр ¹⁵⁾ — гаңц-ōбōд — сар-цаңгал — вōрка† —

Вах. *сыкымōл — *гаңц-ōбōд — сар-цаңгал (2 д.) — вōркад (2 д.) —

Ишк. дѣ-бѣлѣ¹⁶) — дѣ-пѣјѣн — сар-шах — лаңгар — wáстѹк —
Вах. дѣ-бѣлѣ (7 д.) — дѣ-пѣјѣн (4 д.) — сар-шах (2 д.) — *лаңгар — *wўстѹк —

Ишк. шах-бын — јаштѣв.

Вах. *шах-бын — *јаштев.

Примѣчанія:

1) По объясненію ваханца, названіе это образовалось изъ шѣт — земля (خاك) и х̣арв, повидимому, корня глагола «идти» (о дождѣ, снѣгѣ и т. п., перс. باریدن), 3 л. ед. наст. вр. х̣арвд, т. е. такое мѣсто, гдѣ, благодаря вѣтру, сыплется пыль. Такъ же объясняется названіе шухарв (шү — черный), т. к. тамъ черная земля.

2) Знакомъ * отмѣчены мѣстности, гдѣ въ настоящее время нѣтъ селенія, но есть посѣвы; таджики называютъ ихъ دهقانخانه.

3) Жители этихъ селеній, хотя говорятъ по вахански, но по происхожденію ишкашимцы.

4) Говорятъ по ишкашимски.

5) Говорятъ по персидски (т. е. на таджикскомъ нарѣчій).

6) Селенія отъ сáри-сарѣад до гѣзхун расположены по обоимъ берегамъ рѣки آب سرخد, текущей по афганской территоріи; у сел. гѣзхун آب سرخد сливается съ آب لنگر, текущей по бухарской территоріи.

7) Эти три селенія называются также общимъ именемъ wургынд.

8) Девять селеній отъ шѣхц до ѣштырук носятъ общее названіе дѣ-бѣзѣр.

9) Населенъ ишанами, говорящими по персидски; говорятъ, ихъ теперь до 50 домовъ.

10) Т. е. «малый wисѣст»; пять селеній отъ чўwусѣст до боѣѣр носятъ общее названіе wўсѣст.

11) Въ прежнее время рѣварѣч составлялъ одно цѣлое (въ административномъ отношеніи) съ рын'омъ; со времени разграниченія отнесенъ къ группѣ wўсѣст.

12) Четыре селенія отъ чўшхѣн до дѣрван носятъ общее названіе дѣ-хѣпа.

13) Всѣ девять домовъ охотники.

14) Землями этого دهقانخانه владѣютъ жители дѣ-хѣпа.

15) Половина этого селенія принадлежитъ къ Ишкашиму, половина къ Зебаку.

16) Семь селеній отъ дѣ-бѣлѣ до јаштѣв составляютъ јакдѣрѹ.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТАБЛИЦЪ.

I.

Переноска сноповъ съ поля. Снимокъ сдѣланъ въ Ваханѣ, въ селеніи Лянгаръ-Гиштъ, 20 августа 1903 г. Доска, на которой переносятся снопы, называется *кошт* (стр. 26) и служитъ также для переноски всякихъ тяжестей (стр. 24).

II.

Молотьба. Хотя снимокъ этотъ сдѣланъ въ Язгулемѣ (2 сентября 1903 г. въ селеніи Джамакъ), но онъ одинаково вѣрно иллюстрируетъ молотьбу и у другихъ горныхъ таджиковъ. Снопы развязываютъ, раскидываютъ на гумнѣ и гоняютъ по нимъ скотъ; въ данномъ случаѣ гумно огорожено и снопы разбросаны по кругу; шесть головъ скота связаны палкой на подобіе ярма и топчатъ хлѣбъ (къ стр. 23).

III.

Похороны въ Ишкашимѣ (снимокъ сдѣланъ въ селеніи Рындъ въ августѣ 1902 г.). Тѣло несутъ на носилкахъ къ могилѣ (къ стр. 17). Впереди ведутъ собаку (остатокъ древняго иранскаго повѣрія).

IV.

Домъ въ селеніи Рындъ. Навѣсъ направо отъ входа — *пешъвѣз*, упоминаемый въ текстахъ.

V.

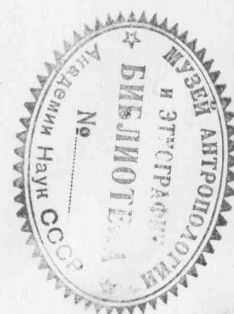
Селеніе Рындъ въ Ишкашимѣ. Какъ всюду у горныхъ таджиковъ, селеніе не разбито на правильныя улицы; стѣны домовъ глинобитныя, заборы сложены изъ камней, посквѣвы разбросаны на клочкахъ удобной земли.

VI.

Группа ишкашимцевъ (снято въ селеніи Рындъ въ 1902 г.).



I.





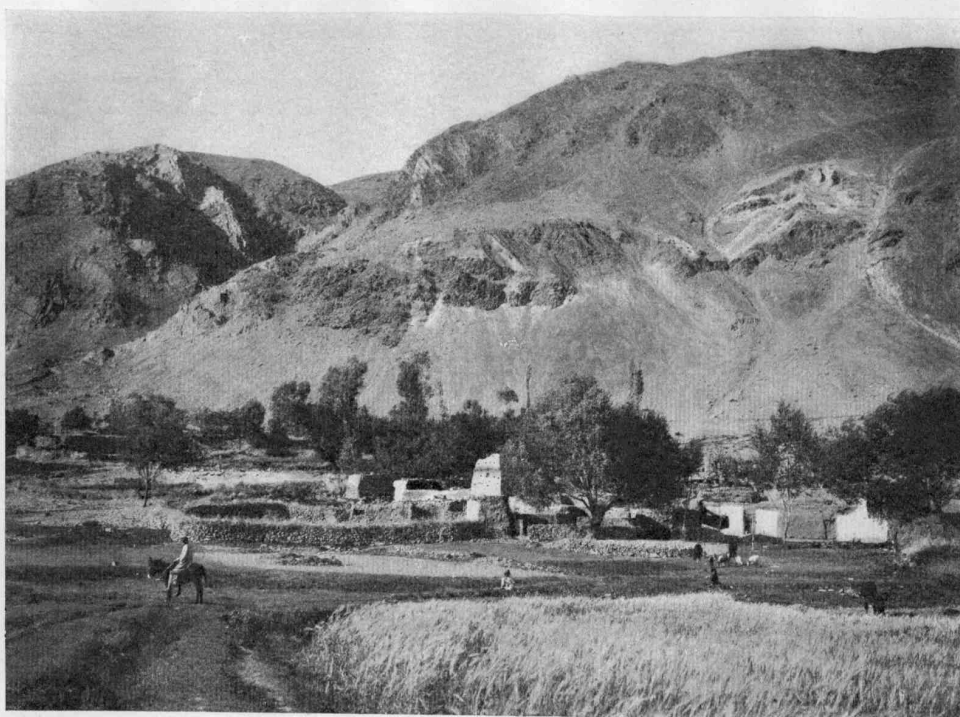
II.



III.



IV.



V.



VI.

Сборникъ Музея по антропологии и этнографіи при Императорской Академіи
Наукъ.

Publications du Musée d'anthropologie et d'ethnographie de l'Académie Impé-
riale des Sciences de St.-Petersbourg.

Изданы.

- I. **Russow, Fr.** Beiträge zur Geschichte der ethnographischen und anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Zusammengestellt und mitgetheilt von Fr. Russow. 1900. I+III+XX+154+I S. gr. 8°. Ц. 1 р. 60 к.=4 Mk.
- II. **Богоразъ, В. Г.** Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей, составленный на основаніи коллекцій Н. Л. Гондатти. Съ 25 таблицами. 1901. II+66+I стр. gr. 8°. Ц. 3 р. 20 к.=8 Mk.
- III. **Ольденбургъ, С. Ф.** Матеріалы по буддійской иконографіи. 1. О нѣкоторыхъ изображеніяхъ Майтреи. 2. О нѣкоторыхъ изображеніяхъ Майтреи въ Тибетѣ. 3. Японская статуетка Авалоокитешвары. Съ 6 таблицами. 1901. II+10 стр. gr. 8°. Ц. 40 к.=1 Mk.
- IV. **Ольденбургъ, С. Ф.** Матеріалы по буддійской иконографіи. 4. Альбомъ буддійскихъ изображеній Казанской Духовной Академіи. 5. О нѣкоторыхъ изображеніяхъ бодисатвъ. 6. Объ одномъ гандхарскомъ рельефѣ съ изображеніемъ царя преисподней Яма. 7. Къ вопросу объ изображеніяхъ Куверы съ ихневмономъ (накула). Съ 6 таблицами. 1903. II+15 стр. gr. 8°. Ц. 40 к.=1 Mk.
- V. **Рудневъ, А. Д.** Замѣтка о техникахъ буддійской иконографіи у современныхъ зурачиновъ (художниковъ) Ургя, Забайкалья и Астраханской губ. Съ 1 таблицей. 1905. 15 стр. gr. 8°. Ц. 50 к.=1 Mk.
- VI. **Поповъ, П. С.** Китайскій пантеонъ. Съ 10 таблицами. 1907. II+XII+88 стр. gr. 8°. Ц. 1 р. 25 к.=2 Mk. 50 Pf.
- VII. **Каменскій, В. И.** «Чортово городище» въ Ветлужскомъ уѣздѣ по раскопкамъ 1908 г. Съ 6 таблицами. 1909. 12 стр. gr. 8°. Ц. 45 к.=1 Mk.
- VIII. **Васильевъ, В. Н.** Шаманскій костюмъ и бубень у якутовъ. 1910. IV+47 стр. gr. 8°. Ц. 1 р. 25 к.=2 Mk. 80 Pf.

Цѣна: 80 коп.; Prix: 1 Mrk. 75 Pf.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова и К. Л. Рикера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Люзанъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

J. Glasounof et C. Ricker à St.-Petersbourg, N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief, N. Kymmel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sorgenfrey) à Leipsic, Luzac & Cie à Londres.